

Валентин Солоухин

БЕСПРИЗОРНИКИ РОССИИ

Валентин Солоухин

Беспризорники России

«Пробел-2000»

2013

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Солоухин В. А.

Беспризорники России / В. А. Солоухин — «Пробел-2000», 2013

ISBN 978-5-98604-376-0

Беспризорники России (роман). Эта книга рассказывает о людях, из жизни которых чёрный всполох беспримерной в истории человечества войны выжег самую счастливую пору их жизни – детство. Эта книга – о жестокости, зле, нацизме и национализме, предательстве и двурушничестве, увиденных и прочувствованных оказавшимися в пекле фашистского произвола на оккупированных территориях детьми, устами которых, как говорит Святое Писание, гласит истина. Но эта книга и о тех, кто в невероятных условиях выживания сохранил человеческий облик, не отверг, не задушил в себе божественную гармонию единения с животворящей природой-матерью, матерью Родиной, кто сохранил в себе веру, остался человеком, как ни пытались дьявольские силы превратить божественное создание в скота. Победа в Великой Отечественной войне – это победа во имя мира и жизни на земле. Святою ратью советского, русского воинства был низложен сатана! Книга посвящена солдату-освободителю, это пронзительное напоминание человечеству, какой ценой и кем было избавлено оно от угрозы фашистского порабощения.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-376-0

© Солоухин В. А., 2013

© Пробел-2000, 2013

Содержание

Часть I	8
Глава I	8
Глава II	17
Глава III	18
Глава IV	29
Глава V	35
Часть II	41
Глава I	41
Глава II	53
Глава III	63
Часть III	71
Глава I	71
Глава II	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Валентин Солоухин

Беспризорники России

*Советскому, русскому солдату-освободителю народов от
фашистского ига посвящается*
Автор

Кинороман

Часть I

«Нейтралы» – зона хищников

Глава I

Сестре было два с половиной года, а Валерке шесть, брату старшему – девять. Все страдали от голода, но никто не плакал. Мать стояла у окна и посматривала на улицу, дети – на ящик с углём, стоявший у самого поддувала плиты. Они знали, что в ящике, завернутые в полотенце и водонепроницаемую бумагу, – коржики. Мародёры со стороны города Енакиева появлялись в определенное время. Мать высматривала, когда оккупанты покажутся, потому что настенные ходики они тоже унесли. Случалось, что по дворам шастали одни и те же грабители, которые помнили – в этом доме нечего взять.

Линия фронта проходила невдалеке, оконные стекла с наклеенными бумажными крестами от взрывов цокали, горшки и цветы на подоконнике вздрагивали. Но мать на этот раз прозевала появление солдат. Итальянцы обошли дом с тыльной стороны и появились в дверях, резко их распахнув. В который раз они сбросили с кроватей постели, перерыли тряпки, обшарили мебель, заглянули в духовку и под плитку. Нинка, закрыв ручонками лицо, чтобы не смотреть на ящик с углём, как учила мать, хныкала, Валерка и Вовка чесались с усердием.

На этот раз итальянские солдаты унесли последнюю наволочку. После них должны прийти румыны, а за румынами поляки, потом чехи, мадьяры и ещё чёрт знает кто. Прошманивают итальяшки, румыны и всякие разные, последними появляются «черти» – солдаты из голубой дивизии Франко. После голубых мать успевала вытащить из-под угля тряпку с коржиками или печёной свеклой, раздать детям. Те тут же съедали. Главное, чтобы прошли румыны и «черти». Они, если находили что-нибудь съестное, пожирали тут же, даже очистки от картошки. Мать говорила: «Так их зима вымораживает. Голодные, как бездомные собаки. Цыгане, вылитые цыгане, а почему-то называются разно, даже румынами. Наверно потому, что немцы

их не убивают, а заставляют воевать...» Сестра захныкала, Валерка дёрнул мать за платье: – Нина плачет.

Мать оттолкнула его:

– Отстань, – а на сестру прикрикнула, – замолчи: будешь реветь, когда румыны ворвутся. – И на сыновей: – Вы тоже плачьте, только не очень громко, а то избыют, как в прошлый раз...

Сестра замолчала. Она, хотя и малышка, но помнила, как озверели «немцы». Нинка сидела у холодной плиты. Ей казалось, что у плиты всегда теплее. Шесть месяцев дети прожили в оккупации на нейтральной полосе, а повзрослели на годы. С одной стороны, на горе, – отребье со всей Европы, которое называется «немцы», с другой – через глубокий овраг, и тоже на горе – наши. Посёлок посередине в низинке. Посёлок назывался – Стандартный. Мужчины Стандартного, почти все до прихода немцев работали на шахте, а женщины – домохозяйничали. Сейчас мужчины воюют с фашистами, а семьи вот так у окон высматривают мародёров.

– И-идут, – выдохнула мать, – вы играйте, играйте... Табуретку возите по комнате, а ворвутся, начинайте плакать... Она быстро отошла от окна, взяла какую-то тряпку, иголку с ниткой и стала штопать.

Румыны вломились и к столу. Повывдвигали ящики. От ворвавшихся пахло стылой землёй, несло запахом немых тел, едкой махоркой:

– Матка, кушат!.. – показывали они грязными руками на рты.

И – к плитке. С пустых кастрюль со звоном полетели крышки, следом грохнулись и кастрюли. Солдаты со злостью поглядывали на хозяйку. Они не верили, что скелеты живут.

Нинка зашлась в плаче, ребята захныкали. Румыны, придерживая винтовки за ремни, заглянули в другую комнату. Порыскали, похлопали дверью шифоньера. Переговариваясь о чём-то, ушли, не закрыв входные двери. Вовка быстро захлопнул их. На улице март месяц. Холодно. Вояки, когда врывались в квартиру, невольно кидались к плитке, коснувшись холодных кирпичей, сообразив, что топили вчера, вытирали мокроту под носом, недовольно о чём-то лопотали. Уходя, подфутболили валявшуюся на полу посуду. Их раздражало все.

Мать вздохнула, отложила шитьё, ещё раз посмотрела в окно – не несет ли нечистая еще каких-нибудь вояк – и быстро, с помощью кочерги, извлекла узелок с коржиками из-под угля. Они были приготовлены не из одной муки, а с тёртой свеклой и напоминали розовые довоенные пряники.

Она торопливо раздала коржики, малышке побольше, от неё зависел сон семьи.

– Ешьте быстрее!..

Пока дети жевали она не отходила от окна и всё вздыхала:

– Чем вас завтра кормить? – вскинула руки. – Ума не приложу...

– Может быть, они ещё пойдут в наступление, – сказал старший брат о солдатах.

– По всему видно – сегодня уже не пойдут. – Мать посмотрела на часы. – Третий день не наступают, метели, наверное, боятся.

Когда мадяры, румыны или итальянцы идут в наступление, а потом отступают за дворами, на поле остаются убитые, раненые. Наступающие стараются вытащить раненых, но местность настолько пристреляна нашими, что часто остаются в снегу и те, которые вытаскивают раненых.

Под покровом ночи «большие» ребята, лет по 10–12, обыскивают закопавшиеся трупы. Случалось находили в карманах сухари, краюху сдобренного солью хлеба, галеты, махорку, зажигалки, а то и спички... Как-то, после очередной атаки на поле боя, осталось много трупов итальянских солдат. Из разговоров мальчишек Валерка узнал, что итальяшек снабжают лучше, чем остальных. У них можно найти в карманах, а иногда и в ранцах консервы, даже сахар. Как-то «большие» пацаны притащили с Казачьего Поста от наших ведро с пшённой кашей: «Как это

им удалось? – гадал малыш. – Прослежу за ними». – Заводилами считались братья-близнецы Ванёк и Колька.

Он видел, как пацаны, в сумерках, ползли к щелям, которые перед приходом оккупантов власти заставили вырыть для укрытия населения от налётов немецкой авиации. Из этих щелей удобнее было наблюдать за атакующими врагами. Но после того, как подростков чуть было не постреляли румыны, они перестали в них прятаться, наблюдать за боем. Особенно испугались первоклассники.

Больше ни в коем случае старшие не брали с собой малышей. Валерка тайком следил, когда они пойдут. Подростки заменили в семьях отцов. В посёлке был один магазин. Его растащили до прихода оккупантов. И тащить особо было нечего. Как тут достать себе еду и накормить семью?

Дома-крепости Казачьего Поста погружались в сумерки, схватывалась метель... С гребешков затвердевших сугробов, мучнисто рассеиваясь, сползали белые языки позёмки, достигали обгорелых развалин разбитых снарядами домов. Редко били со стороны города орудия, посылая снаряды в затягивающуюся тёмно-серой пеленой даль. Снаряды взрывались на таком расстоянии, что не слышно было разрывов, где-то там на линии фронта. Подростки разведали, что на Казачьем Посту в подвалах продовольственные склады.

Голод и смерть вместе. Только голод как мучитель, а смерть как избавитель от жестоких мучений. Смерть на втором плане, но она становится желанной для человека, истерзанного голодными пытками. Это понимали голодающие, поэтому они сопротивлялись и боролись до тех пор, пока сохранялись хоть какие-то силы, сохранялся разум.

Тёмные закоченевшие трупы погибших итальянцев начинало заносить снегом, а «большие» пацаны не появлялись. Малыш прополз под расколотыми осколками и шальными пулями досками сарая, пробрался к соседнему погребу, в котором пряталась семья близнецов.

В крошечной тьме, при коптившем фитильке каганца, сидела старуха. Валерка спросил её, где Колька. Старуха вроде дремала. Пришлось спросить громче. Не открывая глаза, она ответила:

– Верка подалась за водой и её при атаке подстрелили. Соседи видели, как Верку подобрали итальяшки и унесли при отступлении к себе со своими ранеными. – Старуха объясняла ему шепотом. – Колька с Ваньком ушли к ним, отыскивать мать. Ушли к зверюгам, побьют они парнишек...

Верка была дочерью старухи, а Колька и Ванёк внуками. Старуха так произносила слова, словно жевала их, как жуют краюху зачерствевшего хлеба. «Вот почему близнецов не видно», – подумал Валерка.

Он выбрался из погреба и пополз, иногда совершая короткие перебежки в сторону погибших итальянцев, которых можно было сейчас отличить по холмикам наметённого снега, блестящим кое-где выпуклыми касками, или тёмными полосам шинелей, торчавшим ботинкам, прикладам винтовок. Малыша сковал страх: мертвецы всё-таки, хоть и убитые. Темнело. «Вернуться быстро в погреб голодным? Они нас грабят живые, а мы берём у мёртвых». «Живых надо бояться...» – так говорили близнецы.

Не так просто впервые оказалось найти и забраться в карман убитого солдата, окаменевшего от мороза и крови. Карманы примёрзли, слиплись, будто их смочили водой, особенно брючные, и на мундирах. Да в них и поживиться было особо нечем. Больше попадались бумажники. У одного удалось нашарить зажигалку, ещё у одного плитку знакомого фруктового чая. Знакомого, потому что чай был русского производства. Стало ясно, почему все эти вояки приходят на нейтральную полосу и шастают по квартирам. «Зачем вы воюете, если вас плохо кормят?» – подумал Валерка подползая к очередному убитому.

Руки окоченели. Горьковато-сладкая плитка чая ослабила голодные муки. В чёрном, низко нависшем небе – ни звёздочки. Клонило ко сну, но малыш уже знал, что если уснёт,

останется навеки среди окоченевших трупов иностранных солдат. Вдруг он услышал чавкающие звуки, и тут же долетело глухое предупреждающее рычание. Присмотревшись, заметил огненные глаза, со стороны города – одна за одной – взвились и зависли над полем боя осветительные ракеты, которые ветром сносило в его сторону. В нескольких метрах малыш увидел окровавленные морды собак. Их, как показалось, было много. Одна – огромная, остальные поменьше. Он чуть было не бросился наутёк. Если бы в этот миг его не покинули силы. В горле пересохло, дышать и то стало трудно. Оцепенев, он продолжал смотреть на рычащих собак. Ракеты, относимые ветром, плыли на парашютиках, снижались. Свет усиливался. Большая чёрная собака с отвислыми ушами, прогибаясь, отодвинулась от остальных. Шерсть у неё на загривке вздыбилась. Валерка услышал приглушённое kloкочущее рычание, как будто оно клубилось из клыкастой пасти. «Как у Змея-Горыныча, – вспомнилась сказка, – огня не хватает. Они разорвут меня! Винтовку или гранату найти...» – шарил малыш взглядом по трупам.

Он машинально отправил в рот горсть снега. Собака приподняла морду, приблизилась, и Валерка узнал её по круглым подпалинам над глазами, белому «галстуку» на груди. Эта была гончая охотника Кузнечика. Такой же масти у него был и кобель по кличке Цыган. Проглотив растаявший снег, привстал и позвал:

– Найда... Найда...

Рычание усилилось, к нему добавился рык Цыгана, сопровождаемый треском разрываемого обмундирования на убитом. Догоревшие ракеты относило в сторону, и там они гасли. Где-то застучал крупнокалиберный пулемёт. Стреляли прицельно. Рядом пронесли огненные трассы. Пулемёт строчил со стороны города. Заметили что-то «немцы». Собаки исчезли в сумерках. Пригибаясь к самой земле, побежал и он. Падение в глубокий овраг смягчил сугроб. Он почти не ушибся. Снегу намело столько, что Валерка утонул в овраге по грудь. Выбираться пришлось с большим трудом: сколько раз через этот овраг ходил с мальчишками купаться на ставок, в лес за кислицами, тёрном – и вот свалился. Этот овраг скатывался в глубокую балку, а балка была для оккупантов «непреодолимой» преградой. Почему-то они не доходили до неё. Овраг как бы защищал Казачий Пост и был вроде крепостного рва. А поле перед ним хорошо простреливалось из крепости. Ни разу наступавшие не дошли до этого оврага. Наверное, так здорово пристрелена местность. Непонятно, почему гитлеровцы не заняли посёлка, а закрепились в Енакиеве. Может быть, потому, что Стандартный располагался в низине и большинство домов из деревянных щитов, может, из других каких соображений, но ходили они в наступление часто, и всегда залегали, не дойдя до оврага. Хотя несли потери. Жители считали, что это разведка боем.

Ракеты догорели, слоистая темень покачивалась над холмистой землёй. Выбравшись из оврага, малыш прилег передохнуть. Осматриваясь, старался определить, где тут проходила тропа на Казачий Пост. С темнотой опустилась тишина. Небо прочёркивали далёкие пунктирно-огненные трассы, и под ними всплескивали то ли взрывы, то ли выстрелы батарей, рванёт – то с одной стороны – тёмный полог неба – огненная вспышка, то с противоположной всколыхнёт тишину волна артиллерийского грома, и через несколько минут катится ответный ослепительный всполох с грохотом. Эта перестрелка как бы подбадривала. Будила мысль, что не один он в морозную ночь, среди глубоких снегов оврага: «Вон каким огнём пытаются сжечь наших пришлые дядьки из чужедальних стран...» И он из последних сил полз вперед, в сторону Казачьего Поста, вдруг в наступившей тишине раздался окрик:

– Стой, кто идёт?!

Ответ прозвучал невнятно. Можно было разобрать ещё концовку окрика:

– ...Начальник караула – ко мне, остальные на месте!

На этот голос он и пошёл, когда выбрался из оврага. Откуда ему было знать, что на постах, или в секретах, существовали ещё пароли. Валерка круто изменил направление, повернул и ветер, но холодный крупчатый снег с колючим морозцем песком секанул по лицу, и ему при-

шло совсем угнуться. В это время и прозвучал сухим щелчком выстрел, а впереди метнулась огненная вспышка. Пуля просвистела у самого уха, плеснув горячим толчком воздуха.

– Стой! Кто идёт?! – угрожающий хриловатый голос донёсся из темноты. – Стой, буду стрелять!..

«Стреляй... стреляй еще, ворошиловский стрелок» – но страх выдал:

– Свои! Свои! – завопил истошно малыш. Но челюсти свело.

– Ои! Ои!.. – получился тонкий скулёж.

– Собака, кажись... Хлестнул второй выстрел.

Где пролетела пуля, он не понял. Продолжая кричать, не сбавляя бега и направления: – Ои!..

– Не стреляй, ребёнок вопит!.. – ветер дул Валерке в лицо, и поэтому он их хорошо слышал, а до часовых секрета долетало какое-то верещание.

Перед ним неожиданно появилась траншея, какой-то бугорок и он упал на него. Сильный рывок цепкой руки – и малыш воткнулся во что-то жёсткое, от этого предмета тянуло гарью, как от костра – табаком и ещё чем-то вкусным.

– Я же говорил: пацанёнок... – рядом появился ещё человек в каске, не брит, поверх шинели, на ремне, патронташи выпукло и жёстко давили пришельцу в плечо. Он, как мог, отодвинулся от человека в каске.

Тот, к кому он обращался, оставался наверху. По траншее подошёл ещё один, высокий в шапке-ушанке, а лицо закрывала борода, только глаза ловили сполохи военной ночи, отражая свет.

– Чего стрельбу подняли? – спросил он строго.

– Мальчишка, кажись, с той стороны приبلудился. А он, товарищ взводный – из винтовки, – он кивнул на того, который маячил над бруствером. – Как он не пристрелил ребёнка... чудом уцелел пацанёнок...

– А ну покажи, – взводный нагнулся, и от него пахнуло такой махрой, что «гость» отодвинулся.

– Давай-ка его сюда. – Он взял за руку жёсткой, словно каменной, ладонью. – Окоченел? Чего молчишь?.. У него веса нет, тряпки и кости. Скажи что-нибудь. Откуда такой воробышек?.. – допытывался взводный.

«Наши... вот они», – мешала дрожь, от холода просыпалась боль, даже передние зубы кололо. Наверное, оттого, что бежал навстречу морозному ветру с открытым ртом и кричал. Взводный вел его по лабиринтам траншей и он почувствовал, что жёсткая ладонь теплеет. Неожиданно командир взял мальчонку на руки. Борода, словно веником, провела по лицу. Он кашлянул и заговорил:

– Сейчас придём в землянку к ротному, отогреешься, потолкуем по душам. Ты мальчик или девчушка?..

– Не видишь сам. – Наконец выдавил из себя первую фразу за живое задетый вопросом взводного малыш.

Ломота в передних зубах утихла. Они-то и замёрзли. Наверное, потому что зубы новые или молодые. Один вырос только до половины. Боль появилась, когда в него стреляли; он кричал и бежал на выстрелы с открытым ртом. Этим Валерка оправдывал свою робость перед командиром.

– Та-ак, – взводный остановился, – выходит – мужик. Это лучше, получается – боец, свой парень. – Он отстранился и, держа на вытянутых руках парнишку, пытался рассмотреть лицо.

Война бушевала, но где-то в стороне. Огненные вспышки разрывали ночную темень. А тут в траншее такой разговор с боевым командиром:

– Меня можешь звать «дядя Петя». Это – по гражданке, а поскольку я военный, то – «лейтенант Пётр Петров».

Прежде чем ответить, малыш подумал, а даст ли мне этот «дядя Петя» чего-нибудь поесть и называть ли своё настоящее имя или соврать? Колька с Ваньком говорили, что однажды к ним подполз наш разведчик. Расспрашивал их, как живут люди на нейтралке. В какое время приходят в посёлок мародёры, по сколько человек шастают по дворам. Они всё рассказали. Разведчик угостил братьев сухарями. Вспомнив это, Валерка попросил у дяди Пети вначале сухаря.

– У меня, кроме махры, ничего нет. Сейчас придем к ротному, накормим тебя до отвала. С едой, брат, у нас нет печали, да-а, – он ещё что-то хотел добавить, но только вздохнул. – Накормим... не переживай, парень.

Обещание Валерке понравилось. Но он сказал, что зовут его Вовкой, так учили братья-близнецы: «Не называйся своим именем, военное время идёт...».

– Вовка – это несерьёзно. Ты перешел линию фронта... мужик обстрелянный, выходит, Владимир! А Владимир – Владелец мира, вот какое у тебя имя.

Они шли по лабиринтам траншей с множеством ответвлений. Тихо, безветренно. Одно только плохо, что сверху нет-нет да и задувала и поземка, снег, который попадал малышу за ворот. Он ёжился, прижимался щекой к шинели. Взводный это заметил, постарался прикрыть его полой шинели, опустить пониже. «Надо дочистить траншеи, – бормотал он, – попробуй пронеси здесь раненого...».

– Что ж ты без шарфика? Пальтишко драное... как добрался?..

Вопросы эти показались Валерке смешными, но он ответил:

– Италияшки и румынешты всё – «цап-царап!» – «цап-царап», – произнёс на манер мародёров.

– Это выражение фашистов – «цап-царап»? Они так заявляют?..

– Они.

– Мародёры вшивые! Мы их проучим, обязательно...

Угроза Валерке понравилась, ну, а то, что «вшивые», – кто не знает, вспомнил он как они появились впервые. На касках чёрные петушиные перья, с винтовками, на ремнях кинжалы, патронташи, гранаты. Это италияшки. Как они, отстегнув кинжалы, ловко бросали их в кур. Схватив пришибленную птицу, вскидывали её на вытянутой руке, показывая друг другу, что-то лопотали и хохотали во всё горло. Сейчас спеси поубавилось. Птицу всю перебили, жителей ограбили, да и сколько их долбят под Казачьим Постом наши бойцы, вот эти «дяди Пети», рассуждал он.

Правда, румынам, мадьярам и другим достаётся больше. Сколько их под снегом валяется... Италияшки, случается, подбирают своих.

Думая об этом, не заметил мальчик, как пронёс под дом его командир, как они очутились в подвале. Посреди просторного помещения на проволоочном крючке висела керосиновая лампа, под ней стол. За столом сидело трое военных один в кителе, двое в гимнастёрках. В подвале было тепло, и он посмотрел, где плита? Ведь именно на ней должны стоять кастрюли с едой. Плиты не заметил, но котелки висели над железной бочкой на крючьях из толстой проволоки, а посередине кипел огромный чайник. Вкусно пахло тушёнкой, пшеничной кашей. От табачного дыма запершило горло. И он невольно закашлялся, стараясь сдерживать приступ, отчего перехватывало дыхание и приступ только усиливался. Кашель перешёл в утробный лай, взор затуманили слёзы. Он тёр глаза, досадовал на себя: а что как кашель не понравится вот этим новым командирам?

– Гостя привёл, – сказал дядя Петя, опуская свою ношу у края стола.

Сидевшие за столом читали или разглядывали какие-то бумаги. Они подняли головы, уставились на найдёныша, а один спросил:

– Пётр Петров, где ты его подобрал?..

– С нейтралки притопал, перебежчик. На охранение выскочил, чуть было... – он посмотрел на перебежчика, высвободил руку, произнёс ничего не значащее: «Н-да».

– Давай его за стол...

– Это наш ротный... – Петров поднял и посадил пацана за стол на табуретку, снял с шапку. – Ух, какой чумазый, руки – земля землёй!.. Пошли, боец, я маленько тебя ополосну, – спохватился он.

Они прошли с дядей Петей мимо ротного, который с особым вниманием всматривался в мальчишку и думал: «Где я его видел? Или это кажется?..» – Он встал во весь свой рост и оказался очень высоким.

Ротный был на целую голову выше всех присутствующих в подвале.

– Дай ему котелок с кашей, – кивнул на железную бочку, с которой дядя Петя снял котелок, извлёк откуда-то ложку, сдернул резким движением крышку, и мальчик увидел, что котелок полон доверху, учуял запах тушёнки.

– Это всё можно есть? – спросил он, не веря, что эта каша вся его.

– Ешь. Не обожгись, каша горячая.

– Эх, ты, – вмешался ротный, – видно своих детей не кормил, да таких голодных. – Он взял котелок, подал ложку и в крышку от котелка насыпал каши доверху.

Проделал это умело и быстро, так, что малыш не успел расплакаться. Прошёл к той же бочке и полил кашу ещё и подливкой.

– Лопай, боец, не торопись, каши хватит...

Валерка зачерпнул полную ложку, часть уронил на пол, оставшуюся на ложке кашу проглотил, нагнулся за упавшей. На него смотрели все присутствующие. Он вспомнил, как бабушка кормила поросёнка. Тот так набросился на еду, и она радовалась: «Съестной какой!» «А я?» – спросил Валерка. «Ты – человек, и всегда помни об этом».

«Ротный – порошок рвотный», – сорвалось у него с языка. Все, кто находился в подвале как бы притихли, повернули лица в сторону ротного. Кто-то из присутствующих вслух усмехнулся, а провожатый строго спросил:

– Это почему ж так? – придерживая руку с ложкой, которой малыш успел зачерпнуть, и опять с верхом.

Не соображая, что делает, он оттолкнул Петрова и чуть было не выронил крышку от котелка: «Поросёнок я!..» – тихо расплакался. Так хотелось есть, а они мешают.

– Не торопись, горячая. Повторил вопрос: чем не понравился наш командир?

От каши шёл такой аппетитный раздражающий запах, что рот наполнился слюной, надо было что-то отвечать:

– Он жадный...

– Э-э, парень, – сказал дядя Петя. – Пантелеймон Трофимович у нас самый добрый человек. Об этом должны знать все на нейтралке. – Он отпустил руку с ложкой: – ешь, не торопись. Боец не должен торопиться. Валерка не понимал, что и дядя Петя Петров, и Пантелеймон Трофимович тянули время, чтобы каша остыла.

И когда он подул немного, перестал опасаться, что заберут крышку – каша остыла настолько, чтобы не обжечься. Пожалуй, ничего вкуснее он не ел, – так ему казалось в ту минуту.

– Послушай, – обратился Пантелеймон Трофимович к взводному, – а с ним беды не произойдёт? Вдруг давно голодает? Как бы не того... От продолжительного голодания, слышал, кишки становятся тоньше папиросной бумаги... не случилось бы прободения.

– Вовка – русая головка, ты не умрёшь? – спросил дядя Петя.

– Не, – он проглотил ещё несколько ложек, – всё съем, и ничего... – резкая боль, от которой дёрнулся, пронзила желудок. Малыш затаил дыхание.

– Что ты его спрашиваешь? Санинструктору бы показать...

«Вот ротный – порошок рвотный, какой жадюга!.. – подумал он. – Заберёт кашу!»

– Товарищ старший лейтенант, да он подавится, пусть рубает, – произнёс кто-то хриплым простуженным голосом. – А ты не мечи с такой скоростью, боец, – на голову Валерке опустилась рука.

Вмешался ещё один из тех, кто сидел с командиром. Он рассматривал дырки на шапке.

Валерка не заметил, кто передал её ему. Каши больше не предлагали. Сполоснули крышку и в неё налили компота, угостили сухарями. Он окунул сухарь в компот, сделал глоток и впервые за долгие месяцы жизни впроголодь вспомнил вкус сладкого: «Выпрошу сахарку для мамы, сестрёнки и брата...» – мелькнула добрая мысль.

Сытно, тепло, уютно, увидел за бочкой, на стене из серого камня-песчаника, как пляшет похожий на солнечного зайчика отсвет огня: «Наверное, из этой бочки сделали плиту...» – это была его последняя чёткая мысль.

Дальше его куда-то несли, раздевали, мужской голос говорил о душевой, вшах и ещё о чём-то. Ему казалось, что он не уснул, а провалился в бездну.

Спал он без сновидений, крепко, но стоило его толкнуть, как он тут же проснулся.

За столом сидели Пантелеймон Трофимович и взводный. Разбудил незнакомый боец.

– Я домой хочу! – заявил он во всеуслышание.

– Легок на подъём, молодец, – похвалил ротный, – может останешься? Откормим тебя и отправим в тыл.

– Не... там мать и все голодные. Они живут в погребе и умрут с голодухи. У них даже свекла закончилась. Все умрут, – объяснил малыш своё нежелание остаться.

– Кто «все»?

– Брат вот такой, – он показал чуть выше себя, – и сестра – маленькая, а ещё соседские ребята, у которых мать застрелили... – чуть было не бухнул, что румыны на вас говорили: «Рус пах, пах, – нет матка».

– Дать ему ещё каши, компота? – предложил дядя Петя.

– Ни в коем случае! – твердо заявил ротный, – часа через три покормим.

Когда выспался и второй раз насытился, ротный и дядя Петя стали расспрашивать, как живут на Стандартном. Чтобы их разжалобить, малыш стал рассказывать, как грабят итальянцы, румыны, мадьяры. Как поочерёдно они заявляются в посёлок, шастают по домам:

– Грабят и грабят, всё волокут!

– Сможешь сказать, сколько их приходит? – спросил Пантелеймон Трофимович. – Считать умеешь?

Малыш умел считать до двадцати. Но вспомнил, как Ванёк и Колька следили за переходным мостиком со стороны Енакиево, чтобы предупредить соседей сколько мародёров движется в Стандартный. Они насчитывали сорок и более человек.

А по квартирам они шастали по двое – трое, редко заходило больше. Он так и сказал. Вспомнил, что они стараются пройти к крайним домам со стороны Казачьего Поста незаметно, перебежками.

– Это мы знаем. А скажи, за этими, которые шмонают по домам, никто не следит из немцев, не прикрывают их? – уточнил командир.

– Не. Ванёк и Колька следят пока они не уйдут, чтобы сказать тем, кто живёт в погребах, что мародёры ушли.

– Понравилась каша? – спросил ротный в конце разговора.

– Ох, как понравилась, Пантелеймон Трофимович, – с трудом выговорил он. – Дали бы с собой такой каши хотя бы немного... – представил всех голодных, которые сидели там в погребе.

– Мы тебе целый котелок к сухому пайку упакуем. Вот взводный тебя проводит. Не всё, парень, так сыто живут, как мы! Нам весьма повезло на этот счёт...

Валерка вспомнил о сахаре, хотел спросить, есть ли он в сухом пайке. Ротный встал, прикурил самокрутку от лампы и принялся одевать его, застёгивать, плотно запахивать. Намотал на шею нечто вроде шарфика. Подпоясал брезентовым ремешком. Как после такого просить или спрашивать о сахаре, пришлось отмолчаться. Бойцы дали ещё немного подремать в тепле малышу. Зимняя ночь длинная. Часа за полтора перед рассветом разбудили, набили карманы кусковым сахаром.

Глава II

Впереди шло несколько бойцов в белых масках, рядом – дядя Петя. Он, как в прошлый раз, вёл за руку Валерку, только двигались не по траншее, а шагали в открытую. Остов Казачьего Поста с этой стороны возвышался своим тёмным силуэтом грозно над всей нейтральной полосой. Высокие стены без окон чернели неприступными скалами. Только один раз увидел небольшой квадрат звёздного неба и на стене часового. Наверное, часовой не таился, и фигура его на стене напоминала большую белую чайку. Их много летом кружило над ставком и отдыхало на крышах домов Казачьей крепости в то далёкое мирное время.

Небо вызвездилось. Тонкий, похожий на покрасневший волосок электрической лампы, месяц, висел в той стороне, где редко плескались всполохи орудийных выстрелов. Вначале мороз по выходу из подвала выжимал слёзы, но сейчас вроде его не было. Снег под ногами бойцов похрумливал, а когда пересекали намёты позёмки, рассыпался песком.

Из темноты их кто-то окликнул. Взводный ответил и взял направление на голос.

– Сейчас спустимся в овраг, подымимся, а дальше?.. – дядя Петя спрашивал Валерку, и тот по-своему стал объяснять:

– Там поле, убитые валяются у щели, где живёт Найда со своими щенками...

– Ты свой дом или погреб найдёшь?.. Найда и щенки нам ни к чему.

– Сейчас не стреляют и наши все в доме спят, – сказал Валерка и добавил: – Найду. Мы по ночам с братом ходим к роднику за водой и на станцию – за обгорелой пшеницей. А сейчас там только пустые разбитые вагоны, – он посмотрел на солдатский вещмешок, в котором дядя Петя нёс «сухой паёк», котелок с кашей, подумал:

«Как придём к дому, всё это он отдаст матери. Куда он денется потом со своими бойцами – неизвестно. Их всего-то не то семеро, не то пятеро. В темноте трудно сосчитать, да и нельзя этого делать. Ротный приказал держать язык за зубами. Мать он тоже должен предупредить».

В посёлке – безвластие, но вот узнали итальянцы про ружьё охотника. Забрали. Об этом помнили жители нейтральной полосы.

– Вот за этими разбитыми домами – наш, – шепнул он, показывая дяде Пете полуразрушенные тёмные коробки.

Взводный остановился, поднял руку:

– А в этих развалинах – никого?

– Никого, там мы собираем недогоревшие деревяшки с гвоздями. Там снегу намело, много кирпичей обломков... даже воробьи не живут.

– Воробьи... – повторил он, – но охранение может быть. Тише шагайте... Снегу на открытом месте перед развалинами было меньше. Двинулись дальше. Мальчишка – первый, за ним дядя Петя и остальные.

В чёрное, с белыми бумажными крестами, окно он успел стукнуть один раз. Тут же появилось лицо матери. Она узнала пропавшего сына, махнула рукой. Валерка кинулся к двери. Шагнул и взводный с вещмешком.

Глава III

Утром не было стрельбы, наступления. Яркое солнце, необычно искрился выпавший снег. Мать сидела у окна и что-то зашивала. Она даже не упрекнула сына за то, что ходил он к своим на Казачий Пост. «Сухой паек» она надёжно спрятала, а кашу они съели ещё вчера. На полу у плитки лежали Ванёк с Николаем. Они рассказали, как нашли в госпитале свою мать и как им разрешили итальяшки дежурить в госпитале у её кровати. Даже два раза покормили солдатским «кандеем».

– Баланда с кукурузной крупой, – пояснил Колька.

Малыш чуть было не сболтнул об угощении на Казачьем Посту. Вовремя вспомнил о предупреждении помкомвзвода.

Колька скорбно рассказывал, как умирала мать, что им наказывала. Ванёк отвернулся, помалкивал. Плечи у него вздрагивали, и малыш сообразил, что он плачет. Мать осталась в морге городской больницы, в которой сейчас разместились госпиталь оккупантов. Где её похоронят, ребята не представляли.

– Мама просила, чтобы вы, тётя Катя, присмотрели за нами, – неожиданно заявил Ванёк, – а вернется отец с войны, мы сами проживём...

Тётя Катя дала всем по сухарю и разрешила выйти погулять у погреба, а как начнётся стрельба – спрятаться.

Вечером близнецы принесли тушку замороженного кролика. Мать разделила её на несколько частей. Из одной сварила суп, который тут же, при свете керосиновой лампы, съели.

Ну а до вечера события того дня произошли необычные для жителей посёлка. Тихо и тепло было у стен сарая. Весеннее солнце ещё раньше растопило здесь снег, подсушило небольшой взгорок. Братья, нахохлившись, привалившись друг к другу, уснули под тёплыми лучами яркого солнца. Отдалённая стрельба привычно меняла ритм, то усиливаясь, то затихая. Гул пролетающих самолётов тоже падал на землю издалёка, приглушенный расстоянием. Вроде мир царил на солнечном сугреве у стены сарая. Валерка примостился, как сумел, рядом с братьями. Ясно было, как они устали, полуголодные, без сна, сидя у госпитальной койки в ожидании смерти матери. Если бы им рассказать о посещении Казачьего Поста, о том, что им теперь можно ночью перейти линию фронта и остаться у своих. Но как это сделать, чтобы не нарушить обещания, данного ротному и взводному? Вопрос этот терзал детскую душу. «Что-то надо придумать...», – так сильно хотелось сообщить братьям о том, что и ему удалось пройти к своим на Казачий Пост. Валерка ёрзал от нетерпения, нарочито громко покашливал.

Несколько выстрелов, прогремевших недалеко за соседними домами, вывели братьев из дремы. В посёлке оккупанты иногда стреляли в собак и кошек. Найда со своим выводком обитала за посёлком. Больше собак не было, всех перестреляли. Братья были готовы пробраться на соседнюю улицу и узнать, в чём дело. Малыш попытался увязаться с ними. Но братья не взяли, да и сами не успели уйти. Им помешали выкрики, крепкие выражения. Из-за угла дома показался взводный, размахивающий карабином. За ним несколько безоружных итальянцев, двое из них помогали идти раненому. Всего итальянцев было человек шесть. Сзади, подгоняя прикладами пленных, шагали наши бойцы. У Петрова, кроме карабина, на плече висел трофейный автомат.

Мог ли тогда Валерка подумать, что детские жалобы о мародёрстве оккупантов натолкнут бойцов с Казачьего Поста на мысль о вылазке и засаде в посёлке против мародёров?

Из окон смотрели жители. На крики повибирались из укрытий, некоторые вышли на улицу, чтобы быть ближе к происходившему. За долгие месяцы оккупации люди видели атаки, перестрелки, воздушные дуэли самолётов. Наши, в их понятии, – где-то там, и вдруг – вот они, герои, да ещё с пленными.

– Наше дело правое, мы победим! – выкрикнул дядя Петя.

Малыш повторил его лозунг с одним желанием, чтобы он увидел его. И так лихо это у него получилось, даже итальяшки вытаращились, а Колька и Ванёк приподняли его на вытянутых руках, заметил Валерку и взводный. Он кивнул ему как старому знакомому.

Пленные итальяшки имели жалкий вид. Куда девались их наглая заносчивость, уверенность в своей силе и правоте, когда они мародёрствовали.

– Курятинки захотели! – выдал один из бойцов, ткнув прикладом в спину пленного. Тот споткнулся, разбрызгав при этом раскисший снег, обернулся как бы за сочувствием к жителям. Малыш узнал частого посетителя квартиры. Он унёс все приличные вещи, даже подушки забрал, в которых мать прятала жалкий остаток муки. Валерка поднял камень, чтобы запустить в мародёра.

Ванёк придержал руку:

– Ты что, – шепнул он, – а если кто донесёт «немцам»?!

Вряд ли в ту пору дети представляли, что среди людей, которые прятались от войны и смерти в погребах во время боя, бомбежек и артобстрелов, есть предатели, которые понимали: если «немцы» или оккупанты прошли всю Европу и заняли город, то задержка перед какой-то старой казачьей крепостью – временная. Надо суметь приспособиться.

Ванёк и Колька ходили к нашим, были и у врагов, им позволили пройти в госпиталь и повидаться с матерью перед её смертью. Они-то больше всех знают, что происходит на нейтральной полосе. Но сейчас наши гнали пленных оккупантов, самых настоящих мародёров, ограбивших всех жителей посёлка.

Дети, сколько их набежало из разных укрытий, сопровождали бойцов и пленных на небольшом расстоянии, а перед крайним полуразрушенным домом стояли женщины в безопасном месте.

– Курощупы! Мать... вашу! – выкрикнул один из бойцов и прикладом пнул отставшего от группы пленного, у которого слетела с головы каска. Пленный нагнулся, чтобы поднять и получил пинка под зад.

– Что ж ты бьёшь его? Он совсем ещё мальчишка!.. – упрекнула бойца одна из женщин.

– Ах, ты шлюха! – обернулся к женщинам боец, – пожалела... А ну, повтори! Б...

Женщины попятились, притихли.

– Наше дело правое, мы победим! – повторил, выкрикнув, боец на прощание.

Они скрылись за развалинами дома.

– Наши-то в маскхалатах, а итальяшки тёмные, – сказала какая-то тётка, – как они поведут их через поле до оврага, да и там их видно будет. Стрельба сейчас начнётся!

– А ну, дети, в укрытие! – зашумели на ребят женщины и сами стали расходиться.

Колька с Ваньком тоже зашумели на младших:

– А ну, огольцы, – к мамкам!

Пригнувшись, они помчались к полуразрушенному дому: «То-то потом расскажут», – подумал Валерка.

Он собирался прошмыгнуть за близнецами, но откуда-то взялась мать:

– В погреб! – приказала она, – сейчас такое начнётся... – она держала на руках сестрёнку, и Вовка был рядом.

Ещё не опустились в погреб, как поднялась стрельба. Стреляли со стороны города, с Казачьего Поста не отвечали. Наши будто вымерли, а этот сброд, который окопался в городе, лупит из всех видов оружия, и не только по Казачьему Посту, но и по нейтральному посёлку. Хорошо, что у них не было тяжёлой артиллерии, а то бы хана пришла, не спас бы погреб.

Вернулись близнецы. Все притихли, сидели молча и прислушивались, стараясь представить, что там, наверху, творится. Первые заговорили между собой братья. Ванёк стал рассказывать Кольке, сколько наши, во главе с Петровым, перерезали, перекололи итальяшек. Братья

всегда знали больше всех в посёлке. Когда была жива мать, хоть она их укорачивала, а сейчас за ними – никакого догляда. О том, что они ходили к своим на Казачий Пост, братья словом не обмолвились. Старшие и тётя Катя догадались сами, когда братья поставили ведро с кашей для всеобщего съедения. Теперь и Валерка был у своих, но куда ему до близнецов.

– Перво-наперво, – говорил Ванёк, – командир уничтожил итальяшек с автоматами. Потом сам засел в доме, крайнем от города, где раньше был магазин. Остальным приказал действовать по двое. Бесшумно уничтожать фашистов Муссолини, когда они разбредутся по домам. Их пришло на нейтралку 39 человек: «Последних взять в плен», – так приказал Петров. – «Ни один не должен уйти!..». И всё же один ушёл..!

Ванёк рассказывал, а сам поглядывал на Вовку. Тот не догадался, чего он на него поглядывает. Вовка потом шепнул малышу. Ванёк подумал: это он, как старший, пробрался на Казачий Пост. На Валерку он не подумал, – слишком тот был мал для «похода» к нашим на Казачий Пост за провизией. Ночью перейти линию фронта.

– На Казачьем продуктов – горы. Там продовольственные склады, – рассказывал Колька. – Наши не успели их перевезти дальше в тыл. Оставили бойцов прикрывать продукты, которые по возможности увозят ночами.

«Мне командир Петров обещал подбросить еды, при удобном случае», – заявил он, обращаясь к Вовке.

Володька помалкивал, он не понимал, к чему ведёт Колька. Но сейчас сидевшие в погребе с верой и вниманием слушали Ваньку, смотрели на вздрагивающий свет каганца. И то ли от стрельбы трясутся внутренности ребят, то ли от содрогания всего погреба.

Стрельба наверху неожиданно стихла. После непродолжительного молчания мать взяла плоску и, приподнявшись, пошла в дальний угол погреба, где на доске лежала завёрнутая в одеяло Нинка. Она спала. Мать поставила каганец на место, вздохнув, сказала:

– Как там... дошли наши?.. Не поубивали их, такая стрельба.

– Да они знают, что за полуразбитым домом можно ползти до самого оврага и ничего, – ответил Колька, хотя мать к нему не обращалась. – Это с Казачьего Поста видно, а со стороны города – ничего...

– Прекратили палить, я посмотрю, – Ванёк шагнул к лестнице.

– Подожди! – придержала мать.

Малыш бы тоже полез смотреть, но если мать братьям не разрешает, то ему и подавно нечего соваться.

Ванёк отошёл от лестницы, Колька тоже и как бы и собирался следом за братом, а тут успокоился и сел на своё место. Они с братом настолько похожи, что не всегда отличишь – кто из них кто. Вот тётя Настя мигом различала, а все остальные путали. «На то она и мать», – объяснил Вовка, когда Валерка сказал ему об этом.

– Ну, а чего ж нас никто никогда не путает?

– На то они и близнецы. А нас с какого будут путать. Я на целых три года тебя старше и ростом на голову выше. Ты – недомерок. Я человек грамотный, целых два класса закончил. Могу читать, писать. А если бы не этот сброд, который сюда через Европу прорвался, я бы в третий класс пошёл и ещё кое-чему научился.

«Что тут возражать? Да, с ним лучше не изображать из себя старшего. Чуть что не по нему – в драку. С братьями мне лучше. Они ребята дружные, никогда между собой не ссорятся и со мной – по петухам. Перед самым приходом немцев, когда стали взрывать шахты, растаскивать пекарню, склады, кинулись на железнодорожную станцию Валинцево, там стояли вагоны с зерном, я тоже взял сумку, хотел пойти, а Вовка не разрешил. Зато, когда он ушёл, братья шли, и я пристал к ним, они взяли меня с собой», – вспоминал малыш.

– А чего – сказал Ванёк, – пусть идёт с нами, в карманы насыплет, и то – хлеб. Не помирать же с голоду, когда припрут фашисты. Вдруг мы уцелеем от бомб и снарядов. Надо же чего-то жевать.

Братья здорово запасались продовольствием. И если бы не эти всякие мародёры, многие не пухли бы с голодухи.

Кое-кто из жителей посёлка разносил слухи, что прёт цивилизованная Европа, у которой не только танки, самолёты и всякое оружие, но и солдаты – народ культурный, с продовольствием всё в порядке. Они только коммунистов и всяких начальников вешают, жидов расстреливают, а больше никого не трогают. А малыш не понимал, кто такие коммунисты и кто такие жида. Спрашивал Вовку, он посылал подальше, братья тоже не объяснили, хотя и были уже «большие», мать и та не смогла растолковать, только и был ответ, когда немцы стали сбрасывать с самолётов листовки, на которых карикатурные морды людей и подписи, которые читали близнецы:

– Видишь, кого немцы вешают и расстреливают? – подносил к лицу листовку Ванёк. – Такая рожа если встретится, зайкой станешь. Хорошо, что таких у нас нет, и хорошо, что их немцы вешают, стреляют, но сюда немцы не придут, им тут делать нечего. Потому, что ни жидов, ни коммунистов у нас нет, а остальных они никого не трогают. Ни русских, ни татар, ни хохлов, ни других каких народов.

– Да и кто их сюда пустит, – дополнял объяснения брата Колька.

Когда немецкий самолёт вытряхивал над посёлком листовки, пацаны собирали их, жгли, а некоторые расклеивали на заборах, стенках сараев и из рогаток расстреливали образины.

А когда заявили оккупанты, разговоры поменялись, кто-то определил, что это не немцы, а итальянцы. Их было человек пятнадцать. Они растянулись по всей улице. В дома не заходили, метали в кур кинжалы, почти без промаха, очень ловко. Битую птицу, по несколько штук, связывали за лапы. Им так нравилась «охота», что они хохотали во всё горло, а появлялась собака – стреляли. Палили и в хозяев, если кто выражал недовольство. Правда, из хозяев никого не убили, но страха нагнали. При повторном появлении румын жители наблюдали из-за штор, прятали собак, уцелевшую птицу. А румыны не только расправлялись с живностью, эти врывались в квартиры и тащили уже вещи.

Мародёр отличается от вора тем, что зачастую тащит, что ему глянется на глазах у хозяев. Он вооружён и не боится по любому поводу применить оружие. В большинстве случаев хозяева помалкивают. Жители Стандартного быстро усвоили это правило. «Грамотность» в оккупационной зоне, даже на нейтральной полосе, усваивалась с необычайной лёгкостью. Тем более что нейтралка – зона хищников, зачумлённых, пораженных всеми существующими в мире пороками. Здесь, в этой зоне, не бывает присущей человеку жалости, снисхождения или хоть малейшего сочувствия. Двухное животное идёт грабить. Тот, кто сохраняет хоть какие-нибудь человеческие достоинства, остался в землянке, казарме или тратит свой солдатский досуг на письма. Вот так дети научились бояться мародёров, а ещё, насмотревшись на фашистских листовках, сбрасываемых с воздуха, рож политруков и жидов, стали опасаться и этих и в детском воображении придумывали, как избежать с ними встречи в случае появления.

Терпенье у ребят закончилось. Ванёк с Колькой – один за одним, – шустро выметнулись по лестнице, только лядя хлопнула и мать ничего им не успела сказать... Малыш немного выждал и тоже выскользнул наверх. Ребят в сарае не оказалось. Стрельбы не было. Но что стало с досками сарая, в отдельных местах они превратились в ошмётки. Сначала Валерка подумал, что из крупнокалиберного пулемёта их так измочалили. Подошёл и посмотрел на свисающий край жестяного листа. Неведомая сила оторвала его, и он болтался, слегка поскрипывая от ветра на гвозде. Готовая тёрка, на которой можно тереть свеклу для лепёшек. Вот жаль, слишком громоздкая, и дырки разных размеров, а так бы годилась для тёрки. Малыш посмотрел сквозь щели во двор. Стало ясно: никакие здесь не пулемёты. Били по двору из миномётов,

вон какие чёрные лунки на снегу, а в доме, наверное, все стёкла – вынесло: «Теперь замёрзнем. Придётся всё время жить в погребё».

Он выбрался из сарая, обошёл глухую стену дома и удивился, что рамы целы, стёкла белеют бумажными крестами: – «Целы!.. Вот это да! А что, если близнецы в квартире?..»

Сенечные двери, пробитые пулями, но входная дверь – ни царапины:

«Хорошо дом наш один из немногих – кирпичный».

В квартире ребят не оказалось, и Валерка вышел и стал пробираться к полуразбитому дому; они, точно, там. Кто из них сейчас стерпит, чтоб не проследить путь наших хотя бы до оврага, а там, смотришь, и до самого Казачьего Поста. Небось, протоптана тропинка на снегу.

Тихо среди развалин. Он осмотрел их, даже свистнул. Из проёма бывшего окна заметна тропинка до самого оврага. Протоптали, – не ошибся и он, почему-то этому обрадовался. Если присмотреться – заметно, как тащили раненого итальяшку. Поодаль, на открытом поле, там, где ходили разные шарамыги в наступление, заметил тёмное пятно. Перебрался выше, ясно стало – труп. Итальянца отшвырнуло взрывной волной, выбросило из-под снега. Оккупанта на этот раз «убили» те, которые обстреливали крепость. Сейчас-то они сыпали, не жалея мин и снарядов, каждый холмик, бугорок брали на прицел.

«А наши – в овраге. Не пошли на Казачий Пост. Вон по снегу, чуть приметная ленточка. Тропинка, по которой я вёл Петрова и бойцов ночью. Если бы они пошли с итальяшками, она заметнее была бы. Сидят в овраге покуривают, ждут темноты: Ванёк и Колька к ним уползли! – от этой догадки он чуть было не выбрался из руин, – со стороны города – засекут. У братьев тоже нет маскхалатов. Поубивают их...».

Солнце закрывала туча, тёмная и вислобокая. Вокруг помрачнело, сорвался ветер. Мучнисто-крупчатый снежок хлестал в проёме окна, зябко пронизывал: «Вот сейчас мать догадается собрать ошмётки размочаленных досок, щепки, затопит плиту и приготовит затируху, а то и кашу. Хорошо, что не стал пробираться к своим», – рассуждал Валерка.

Он возвращался к дому, ветер слабел, туча опускалась, снежок перестал. А перед самым двором вдруг повалил снег разлапистый, пуховитый. Мать о таком снеге говорила: «пошёл шапками» Вряд ли в такую погоду, после всего, что случилось, мародёры сунутся. Сомнения на этот счёт не было, но здесь, на фронте, жизни людей зависят от разъярённого кусочка металла, выпущенного человеком в любом душевном состоянии. Душа и разум им не управляют, и это чувствует всё живое, даже земля. Она вздрагивает от взрывов, она боится, и этот страх проникает в каждую клеточку. Благие намерения покинули чужеземца, пришедшего из цивилизованной Европы: он озверел.

От невероятных страданий дети взрослеют не по дням, а по часам. Они рождены, чтобы жить, а двуногие существа, грязные, вшивые, сопливые, созданные поучать, улучшать, облагораживать быт и жизнь грядущих поколений, нацелены на убийства и разрушения. А когда их постигает возмездие, они плачут, молят о пощаде. Они возвращаются к человеческому образу, вспоминают своих близких, детей, матерей, которые их породили, но – поздно. Настрадавшиеся требуют возмездия. И пока жажда мести и справедливого наказания не получают удовлетворения, кара насильников будет наступать. Но ребёнок не способен осмыслить глубину падения взрослого человека. Жизненная высота под стать его росту. Он создан для будущего, для продолжения рода человеческого. Большинство гибнущих не то что не знают, кто выстрелил, поставил мину или сбросил бомбу, но даже не подумают, за что их убивают и откуда появилось столько убийц. Возмездием не воскресишь безвинно убитых. Поэтому главная задача человечества – научить ценить жизнь себе подобных, вовремя познавать зверомаскировку. В войну ребёнок лишён детства, и, если он не сумеет, как в сказке, повзрослеть, он обречён на гибель.

Ваньку и Коле по двенадцать лет. Перед оккупацией они успели пойти в школу в шестой класс. Малыш смотрел на них и завидовал – большие ребята. У них убили мать, остались одни – ничего. Он бы умер от горя, от слёз, а они даже не плачут. Его мать приняла их, пытается что-

то сделать, чем-то накормить, дать дельный совет. Они прячутся во время обстрела в погреб, а когда можно, спать уходят в свою квартиру. Он слышал, как Ванёк упрекал Кольку за то, что тот захотел вернуться сюда. В прошлый раз была возможность остаться у наших.

– Они бы нас отправили в детский дом для сирот, а я не хочу! – возражал Колька.

– Ещё бы посмотрели, а то бы и оставили на Казачьем Посту. Надо уметь хорошо просить. Мы и патроны подносили бы, топили, картошку чистили, стрелять научились из винтовки метко. Если бы не ты, я сумел бы договориться.

Как только они заметили, что их кто-то слушает, замолчали. Наверное, подумали, что Валерка с Вовкой тоже уйдут к своим: «А что, если они ушли? – от этой мысли на какое-то время малыш остолбенел. – Сейчас, если их нет у нас, спрошу мать. Интересно, как она ответит?» – он направился к сараю. В погребе – ни души.

А на улице повалил снег. Сгущались сумерки. Царила необычная тишина. «Наши наверняка, если они скрывались в овраге, вернулись на Казачий Пост, увели пленных итальяшек. А что они с ними будут делать? Станут допрашивать, будут ли кормить? Или возьмут и расстреляют? Надо спросить у Вовки или матери». На столе горела свеча. Настоящая, из белого стеарина. Ну не совсем из белого, но как-то Вовка нашёл в бывшем разграбленном магазине такую свечу, и дети тогда её съели. Он, перед тем как есть, сказал:

– Видишь, с одной стороны её подгрызли мыши? Значит, можно есть.

– Они вон и книжки грызут, бумагу и даже тряпки...

– Ни черта ты не понимаешь. Книжки грызут, значит они намазаны клейстером. Клеем, сделанным из муки, а бумагу, тряпки – что-то съестное было завернуто в той бумаге. Если бы понюхать, я бы определил.

– Но свечка эта валялась у мышиной норы под проломленной доской.

– Ну и что?

Вовка откусил с непогрызенного конца и стал жевать. Валерку тоже мучил голод, но не до такой степени, чтобы есть свечку. Утром мать дала по коржику, дала по дольке свеклы и по стакану воды, в которой варилась эта свекла. Голод донимал, а лучше бы эту свечку отдать матери.

Они почти полностью съели ту свечку. Боль и тяжесть в животе не в счёт. Главное дотерпели до затирухи, которую сумела сварить мать. Нинку мать подкармливала лучше. Очень она боялась, что Нинка умрёт. Они с Вовкой это понимали.

А сейчас настоящая свеча горела в комнате, не было противной вони, как от каганца, и все смотрели на огонёк свечи зачарованными взглядами.

– Где тебя носило? – спросила мать.

– Нигде... я тут был.

Обычный ответ. Мать больше ничего не спрашивала. Он снял шапку и тоже стал смотреть на свечу. Мать пошла и закрыла двери на крючки и на засовы. «В квартире не то, что в погребе, здесь – житуха», – заключил Валерка.

Окна плотно занавешены, в плите потрескивают дрова, стоит на плите кастрюля.

– Братя отдали нам все свои припасы и ушли к нашим на Казачий Пост, – шепнул Вовка. – Сначала Ванёк пробрался в овраг. Там прятались те бойцы с пленными итальяшками. Они разрешили Ваньку взять с собой Николая. Я тоже хотел с ними уйти. Мать, как расплакалась, я и остался.

Видно было, – Вовка сожалеет, что не ушёл. А Валерка бы не смог уйти, даже если бы мать разрешила. Оставить мать с Нинкой, – отец, когда вернётся, – не простит.

И он принялся вспоминать проводы отца.

Опытных забойщиков не трогали. С начала войны призывали молодёжь. В первую очередь уходили добровольцы. Призывной возраст подмели перед нападением, раньше обычного, за полгода. Ну, а после объявления войны брали и восемнадцатилетних, при первом обраче-

нии в военкомат. Семнадцатилетних, – только после настойчивых просьб, письменных просьб, рекомендаций комсомольских организаций. До последнего не взрывали шахты, хотя заводское оборудование начали увозить заранее. Об этом только и говорили старшие. Ещё запомнились рассуждения взрослых. Демонтируют такой-то завод, значит, жди фрицев. «Шахты не трогают, смотришь, и отобьёшься, – а долго ли взорвать шахты? Юнкомовскую гидрошахту и взрывать не обязательно. Открыли шлюзы, и она – под водой...»

За окраиной посёлка в роще таился «динамитный» склад, территория огорожена колючей проволокой с полосатыми домиками, у которых впритык стояли будки для собак. Днём редко кто видел часовых. Они заступали перед вечером. Можно было наблюдать, как развозили часовых с овчарками. Приближался фронт. К «динамитному» зачастили грузовики. Днём изредка, а вечером – колоннами. А когда взрывали шахты, фабрику и цементный завод, прекратили подачу воды в посёлок. Водокачку тоже взорвали. Жители Стандартного, лёгкие на подъём, уходили неведомо куда. Вот тут почтальон успел вручить повестки всем шахтёрам призывного возраста. Призывники должны явиться во второй половине дня на сборный пункт.

Отца пошли провожать всей семьёй, и Валерка представлял, глядя на свечу, отца с заплечным ранцем; мать сделала его из мешка. Он шёл с Нинкой на руках, рядом мать, а с другой стороны Вовка. Ему хотелось со стороны увидеть и себя. Не получалось. Может быть, потому, что рядом шагали провожающие семьи, одинокие молодые и пожилые призывники. Призывника можно определить с первого взгляда: у каждого вещмешок.

Семейные разговаривали, шутили. Некоторые, как отец, несли на руках детей. Одинокие курили, посматривали в чистое, безоблачное небо.

Приходилось уже слышать разговоры взрослых о том, как немецкие самолёты бомбили допризывников на сборных пунктах, в эшелонах:

– Не то что до фронту, а в вагоны не посадили. Налетели фашисты – разбомбили подчистую. И наши командиры куда смотрели?.. Много народа побило...

Надо бы сбегать на станцию посмотреть на погибших, разбитые эшелоны. Большие ребята ходили, но мать с Вовкой не позволила. А сейчас небо чистое, ни каких тебе самолётов, и люди идут не на станцию, шагают к цементному заводу, который взорван, и сюда немцы не полетят. Тогда он посматривал на окружающих, на юношу с гармошкой. Небольшого росточка, бритоголовый в сером распахнутом пиджаке, он придерживал гармошку, висевшую на ремне, левой рукой, в правой у него была авоська с небольшим узелком.

Гармонист был чуть повыше Ванька, и не поймёшь, – то ли провожает гармонист кого, то ли он идёт для увеселения какой-то компании. Внимание он привлёк гармошкой, блестящей под солнечными лучами лысиной, а взрослые не обращали на него внимания. Каждый провожал своего родного или близкого.

Малыш следил за бритоголовым. Его тянуло к нему, как магнитом: «Если таких берут на фронт... Вот Колька с Ваньком тоже собирались на войну. Сухари начали сушить». Он случайно об этом узнал, когда они спорили, назначая время побега. Колька говорил, что лучше уходить утром. Мать на работе. Ванёк настаивал – ночью. Мать спит, а утром очень торопится, даже не будит их: «Ночью мы приходим на станцию Волинцево, садимся на товарняк до станции Дебальцево, с которой до фронта – рукой подать...»

Он почему-то решил, что немцы обязательно убьют близнецов. Бойцов обучают стрелять, гранаты, бутылки с горючей смесью бросать. И жалко стала братьев. Он взял и рассказал их матери. И никакого им фронта. Может, и этот бритоголовый, с гармошкой, самовольно уходит из дому. Идёт себе среди мужиков и идёт. Потом сядет в эшелон со всеми, сыграет на гармошке. Его и спрашивать не будут, есть повестка или нет. И в окопе ему никаких пулемётов и гранат не надо, будет себе играть на гармошке, у бойцов настроение подымать...

– Эх, жива бы была тётя Настя, никуда бы братья не ушли, – сказал Валерка вслух, глядя на свечу. – Ребята они добычливые...

– Ты что бормочешь? Почему не ешь? – спросила мать. – Не захворал?
Дотронулась ладонью до головы. Температура – нормальная, и она напонила:
– Ешь.

Братья ушли, мать прибавила им по сухарю. Когда ребята прибились, старуха соседка отговаривала мать:

– Не приймай циххлопчив. Свойих обэрэгай. Бо война будэ довга...
– Какая бы она ни была, её надо пережить, – ответила мать.
– Та вжеж, от и я так думаю...

У старухи была большая семья: сыновья, две дочери. Все взрослые.

Перед приходом немцев сыновья получили повестки, а куда делись девушки, у других соседей оставались – догадки. Любопытные интересовались:

– Тётя Груша, куда поховала дивчат?
– Ото я вам так и ляпнула, куда. А нэмаэ – и всё туточки. Грең зыйив!..

Заключительную фразу старуха произносила с раздражением. Отворачивалась от любопытствующего, уходила приговаривая:

– Отжэ люды, им треба знаты...

Но когда близнецы принесли кролика, а потом пробрались на «Казачий Пост» и притащили целое ведро каши, мать угостила старуху, баба Груша сказала:

– Ото ты правильно зробыла, из цих хлопцев будэ товк. Бо воны ще помогаты тэбэ будуть.

Мародёрам нечем было поживиться у бабы Груши. В квартире – шаром покати, хотя раньше чего там только не было.

– Баба Груша, куда добро тоже сплывила?

– От же люды, всё знают, всё бачут, а тут як пьяницы маскали продывылись. Мы ж хохлы. Зустричались з немцами, румынами, поляками... Та всех бачили, на всех надывылись. Та шо ж – и мы таки дурни, щоб свий скарб отдаваты нимцю. А дулю им! – Она свернула кукиш. – Отаку дулю!

Для всех оставалась загадкой: чем питается баба Груша?

Мародёры, врываясь к ней в квартиру, видели пустоту, стол, две табуретки, кровать, поверх тряпье, и старуха сидит у окна с заклеенными бумажными крестами стёклами. Старуха же не обращала на вошедших ни малейшего внимания. Она разбирала нитки, пытаясь намотать их на клубок. Она рассказывала, как один румын забрал у неё вязальные крючки. Через два дня принёс их назад с хорошими нитками. Она думала, что он заставит её что-то связать, но румын достал из кармана губную гармошку. Сыграл какую-то мелодию, а потом уселся на табуретку и пел по-русски:

Мамалига, молоко,
Румыния далеко...

Когда зашёл ещё один мародёр, он взял у него несколько спичек и положил перед бабой Грушей: – Тебе, матка...

Раньше удивлялись, почему со стороны немцев в посёлок погань ползёт. А наши ни разу не пришли. Теперь, после вылазки командира Петрова с бойцами, разговоры шли среди жителей, как поведут себя мародёры, будут продолжать шастать или прекратят. Лихо у наших получилось, – всыпали, как надо...

– А бабке Груше жалко стало итальяшку, – заметила мать.

– То був ни итальяшка. То був той румын, шо у мэнэ вязальни крючки брав, та вэрнув.

– Там не было румынов.

– Цэ вин був. Шапку дэсь загубыв, а шинель румынська. Вин ще на гармошци грав.

– Они нас не жалеют...

Женщины ещё поговорили о близнецах, в один голос одобрили их уход на Казачий Пост. Всех волновала наступившая после обстрела тишина. Где ночевать? Уходить в погреб или оставаться в квартирах? А вдруг ночью обстрел, бомбёжка?

– Шо в тому погреби? – сказала баба Груша, – уbye, так и в погреби – уbye...

Ушла, хлопнув дверью.

– А что ей, она своё отжила. А дети?..

– Мне в печёнках погреб, будем спать в квартире, – сказала мать. И соседки стали прощаться, расходиться.

В квартире, после погреба, как в раю. Мать подбросила в плиту угля, дала нам ещё по сухарю.

– Не дай бог, мародёры найдут сухарь, всех порешат! Ясное дело, что сухарь может появиться только с нашей стороны, с Казачьего Поста.

Она погасила свечу, уложила нас. Долго стояла у окна, прислушиваясь к необычайной тишине. Даже отдалённого грохота фронта не было слышно.

– Отступили... ушли? – гадала она.

Нинка быстро уснула, Вовка и мать ушли в сарай за углём, и он ждал их, наблюдая, как из-под заслонки пробивались отсветы пламени и плясали на белой стене, напоминая о мирном времени, о кино: «Жили себе люди и – никакой войны».

Во сне видел проводы отца с необычной ясностью, парня с гармошкой. Это он первый услышал приближающийся гул мотора, первый определил, чей самолёт.

– Воздух! – крикнул он зычным голосом. Шедшие, как по команде, вскинули головы.

– Во-оздух! – повторил лысый, прижимая гармошку, чтобы она не мешала ему, побежал к кукурузному полю. Народ тоже кинулся врассыпную, в сторону завода, к железнодорожной насыпи и к полю.

Отец остановился, прижимая Нинку у груди, и ладонью прикрыл ей голову, смотрел в небо. Они с братом, как цыплята подбежали к нему. Валерку больше не интересовал парень с гармошкой.

– Может, это паника?.. Куда делся паникёр? – спрашивал подошедший какой-то дядька с жёлтым портфелем.

– Туда, – не обращая на человека с портфелем внимания, сказал отец матери и поспешно двинулся к оврагу.

Все заторопились. В овраге уже были люди. Несколько человек с вещмешками примостились у самого края, не очень обрывистого, прислушивались, не спуская глаз с неба. Вот когда многие уловили звук приближающегося самолёта. Он доносился со стороны солнца.

– На бомбёжку заходит, – хрипловатый голос мужика, сидевшего на самом дне оврага, прозвучал предупреждающе. Погладив чёрную бороду, мужик подложил под голову вещмешок.

– Типун тебе на язык, – ответила мужику мать.

Отец спокойно сказал:

– Немец со своей стороны летит – западной...

В это время в овраг почти скатился человек с портфелем. Он сдёрнул с головы картуз, вытер им лицо:

– Фу-ух! – ни к кому не обращаясь, изрёк: – А гармониста надо определять слухачом... – поднялся выше. – Первый услышал стервятника...

Гул нарастал, и все увидели фашистский самолёт, пролетающий над самым оврагом совсем не высоко. Все замерли, а дяденька зачем-то закрыл лицо жёлтым портфелем. Самолёт удалялся, малыш вспомнил о бородатом, который лежал на дне оврага, и посмотрел туда. Видел, как люди выбирались из оврага, уходили. Нинка спала. Отец осторожно передал её матери.

– Сидите здесь, он вернётся.

И самолёт вернулся. Малыш слышал, как нарастает рёв мотора. Рёв вроде раздвоился. Застрекотали пулемёты. Что-то сильно грохнуло. Он открыл глаза и сообразил: сон кончился. Посреди комнаты брат поднимал упавшую табуретку. Он её опрокинул, когда спешил. У окна мать осторожно отодвигала плотную штору.

Ещё горела плита, отсветы из-под заслонки плясали на стене, они позволяли видеть предметы. Стрельба из пулемётов, настоящая; на улице.

Они суетились у окна. Вовка отбежал к плите, схватил с комеля бурки, с вешалки пальто и шапку.

– Ты куда? – вполголоса сказала мать...

– Во двор...

– Вернись! – вслед хлопнувшей двери произнесла мать. – Убьёт паршивца.

Она быстро оделась и вышла. Валерка тоже проявил сноровку. На улице морозно, но не холодно. Небо в бледных звёздах, и в той стороне, где подчёркиваются далекие отсветы, не то выстрелов, не то разрывов, висит ущербная луна. Мать и Вовка стоят у стены, а над ними выются силуэты самолётов, прошивая тёмный полог неба огненными трассами.

Малыш следил за ночным групповым боем, стараясь угадать, где наши: «Эх, нет близнецов! Они бы вмиг узнали своих...» Ему всегда казалось, что эти «большие» ребята знают все на свете, все умеют, поэтому они ушли помогать своим. На кой чёрт нам все эти итальяшки, румыны, венгры, мадьяры, поляки, и чёрт знает, ещё кто! Голодные, вшивые, грязные, с обмороженными и сопливыми мордами. Кто, зачем их к нам прислал? Понятно, что тот, кто их сюда прислал, сидит в тёплой квартире, натрескался шоколада, конфет, котлет и ещё разной всячины и посмеивается. А эти стреляют, ловят коммунистов, жидов, разных активистов с комсомольцами и, прячась за их спинами, наступают, пока наши не встретят огнём из пулемётов, миномётов, винтовок. Из пушек тоже били, но редко, и то со стороны города, да с татарского хутора. Татары почему-то палили по нейтральной полосе. Может быть, до города пушка не добивала. Ванёк говорил, что на хуторе одна только пушка. Они с Колькой пробирались к татарам, принесли целую сумку столовой свеклы. Они-то всё знали и всё умели. Он у братьев старался перенять и научиться полезному. Близнецы, когда была жива мать, ловили птиц с помощью мышеловки, ловушек из кирпичей. Четыре кирпича, пятый сверху и две палочки – ловушка готова. Сыпь внутрь крошек или зерна и жди. Это когда было зерно и крошки, птицы доверчивей. Сейчас всё изменилось. Воробьи или голуби улетали, заметив человека за сотню метров. Ловушки всё же выручали. Братья добывали семена репейника, лопуха, крапивы.

А как они научились определять по звуку моторов – не только чьи самолёты, но и типы самолётов: с бомбами или пустой летит...

Валерка увидел, как вспыхнул и полетел вниз один из самолётов, немного погодя закувыркался другой. Брат и мать заметили Валерку, когда он вскрикнул, быстро поспешили загнать в дом. И только в квартире он почувствовал, как озяб.

– Ты что ж это удумал? Тебе кто разрешил?..

Самолёты как бы приблизились, и воздушный бой происходил совсем неподалёку. Стрельба, вой моторов, в небе творилось что-то невообразимое. Воздушный бой шёл на небольших высотах.

Мать схватила младшего за руку:

– Ледышка, окоченел совсем!.. Вовка! – позвала она брата. – Бери его и в погреб, чует моё сердце: обстрел начнётся.

– Не пойду, там холодно и темно. Чего бояться – самолёты стреляют в небе. Бабка Груша не прячется в погребе.

Он будто изменил намерение матери:

– В дом, скорей в дом! – она подхватила его на руки, затолкала брата в коридор.

В кромешной темноте на ощупь нашли дверь в квартиру. Когда переступили порог, мать накинула крючки, в это время тихо стало и воздушный бой прекратился.

Сестрёнка спала, как ни в чём не бывало. Мать задёрнула штору, как можно плотнее прижала края: не дай бог, щели останутся. Неподалёку соседи недосмотрели, или кто из детей приоткрыл штору, – пулемётная очередь прошла окно. Кто говорил – старуху убило, кто – дети погибли. Тот дом крайний, с итальянской стороны, а этот перед Казачьим Постом, окна к сараю, в котором погреб. За сараем «поле боя», так баба Груша называет открытое место перед оврагом. Из сарая в окно хорошо просматривается, всё, что там происходит, как на ладони. Видно, как падают убитые, как ползают раненые, убегают за развалины уцелевшие. Вместе с итальянцами или румынами и прочим сбродом и те, которые наступали гнали впереди себя гражданских. Колька с Ваньком возмущались: «Дураки. Падали бы на снег и лежали, пока стемнеет, а там ушли бы на Казачий Пост. К оврагу бежать надо». Мать как-то услышала и сказала:

– Они все почти голые. Замёрзнут вмиг, и кто из них знает, что впереди овраг, ты местный, поэтому так рассуждаешь.

– Я бы притворился, потом с убитого солдата стащил шинель и всю одежду... – говорил Колька.

– И тебя свои пристрелили бы, шинель-то иноземная.

– Я бы лежал тихо, а ночью к своим ползком. Атака закончилась. Как эти вояки драпают! Тётъ Катъ, ты бы посмотрела. Валерка и то смотрит, а все тётеньки в погребках дрожат и крестятся...

Сейчас нет близнецов, и смотреть на бой не с кем. Вовка не смотрит, ненавидит, как люди убивают друг друга. Он говорит:

– Я поглазел с удовольствием, если бы на «поле боя» Гитлер, Геббельс и кто там ещё войну затевал появились и давай друг в дружку палить.

Малышу понятно, что братуха это у взрослых перенял, те так фантазируют.

«Вот пришли наши в посёлок, всыпали им, притихли, перестали шастать мародёры», – счастливый, кто спит в доме, а не в погребе, думал малыш.

– Как бы нам эта тишина боком не вышла. Уходить надо... а куда?... Куда с вами? Сама бы я давно ушла, – говорила мать Вовке.

Глава IV

Валерка долго не мог уснуть. Ясный сон, в котором видел провода отца, и наяву первый воздушный бой ночью, сбитые самолёты, – чьи они? Очень хотелось, чтоб это были немецкие. Мать собирается уходить, а дети – помеха. Он хотел подсказать, куда можно уехать, собрался сказать, напомнить о бабушке, многочисленных родственниках в Москве, да вовремя спохватился; в Москву ни проехать, ни пройти, повсюду немцы. А если к тётке Дуне? Сестра отца живёт где-то в другом городе, может, там нет войны и нет голодных солдат, нет мародёров.

Тётя Дуня часто приезжала до войны с подарками. Он слышал, как она толковала матери, ещё до оккупации, чтобы мать запасалась мукой, крупой, сушила сухари.

– Война на носу, – говорила тётя Дуня, – у тебя дети. И шахтёров подберут, что будешь делать?..

«Вот нам надо уходить к тётке Дуне. Она-то, точно, имеет запас продуктов, – думал малыш. – Если ночью пойти к нашим на Казачий Пост, – кого-нибудь убьют. Вон как они в меня стреляли. Но в одного трудно ночью попасть...» – представлял, как они идут всей семьёй и в них начинают палить, а потом кричать, стой кто идёт?!.. «Вся надежда на тётю Дуню, к ней надо уходить».

После таких размышлений опять вспоминались провода отца. Тогда в овраге он оказался прав. Фашистский самолёт кружил над городом, сбрасывал всё те же листовки: «Русские дамочки, не копайте ямочки. Придут наши таночки разрушать ваши ямочки». Вовка объяснял, что «ямочки» – противотанковые рвы. Ещё листовка: «Бей жида-политрука – рожа просит кирпича!» И нарисованный политрук с пистолетом в руке, поднимающий бойцов в атаку. В это время летит кирпич и бьёт ему в рожу углом, так, что на следующем рисунке из глаз жида летят искры, а из руки падает пистолет.

В первый раз ни Вовка, ни большие ребята не могли сообразить насчёт «политрука» и «жида». Разные догадки были, а потом стало неинтересно читать одно и то же. Про Сталина, Молотова и всех остальных, как они драпают от немцев: «... по волнам, по морям, нынче здесь, а завтра там...».

Высыпал немецкий самолёт над городом листовки, стал разворачиваться над динамитным складом, и вдруг его стали обстреливать из зениток. Он ответил из пулемёта, – и по народу давай тоже из пулемёта поливать. Сколько зевак вышло из кукурузы, оврага... Лупил он с такой высоты, что хорошо были видны кресты, номера на физиюляже, оскаленные лица в кабинках. Валерка почему-то подумал, что это морды тех политруков и жидов, которые нарисованы на листовках. Самолёт кружил, пикировал, на бреющем полёте скользил над головами метавшихся людей и строчил, бухал из пушки. Бомбы он не бросал. Братья объяснили, что это был фашист-разведчик.

На прощание он сыпанул ещё листовки, на которые никто не обратил внимания, и улетел в сторону солнца.

Дядька, прикрывший голову жёлтым портфелем, продолжал лежать. Валерка не видел, когда он вернулся в овраг.

– Товарищ, – окликнул его отец, – отбой. Но товарищ не шелохнулся, отец пробрался к нему по краю оврага, приподнял портфель и увидел вместо лица кровавое месиво. Отец опустил портфель на голову дядьке:

– Всё... давай прощаться. Веди домой детей...

Он перецеловал детей по очереди, как делали многие призывники.

– Уводи, уводи их скорей отсюда. Могут налететь бомбардировщики, – приказывал он матери.

Малыш диву давался, с какими подробностями возвращаются картины проводов:

– Уходи... – поглядывал отец в небо.

Мать держала на руках Нинку, словно окаменевшая. Отец вскинул вещмешок и, не оглядываясь, стал уходить. Все смотрели вслед, старались не упустить его из вида, пока он не затерялся среди призывников.

Откуда-то появились военные с носилками и сумками, на сумках красные кресты. Только после этого и обращения к гражданским, чтоб они возвращались, мать повела ребят мимо кукурузного поля.

Призывники вытянулись цепочкой, посматривая в небо, торопились к вагонам-телятникам.

Все оглядывались, даже Нинка, которую мать посадила себе на плечи. Но отец, пока видели его, ни разу не оглянулся.

*Взяв бы я бандуру,
Та заграв що знав,
Через ту бандуру
Бандуристом став...*

Это было так неожиданно, что многие граждане остановились. В поле и патефон. Знакомая мелодия, голос артиста. Валерка во все глаза смотрел, смотрел, смотрел, – ничего не поняв. Вовка смеялся:

– Не туда смотришь. Вон Ванёк с Колькой. Они тоже своего отца проводили. Впереди Ванёк с детской коляской, следом тётя Настя с Колькой. Она заметила соседей, остановилась и позвала мать:

– А ну, закрывай свою музыку, – сказала тётя Настя сыну, – в коляску посади девочку, – распорядилась она.

Ванёк закрыл патефон крышкой, защёлкнул замок:

– Я понесу его, пусть Нинке удобнее будет в коляске, – заявил он.

– Неси, – разрешила тётя Настя.

Ванёк вытащил из коляски в тёмно-голубом футляре патефон, и мать опустила в коляску дремавшую сестру:

– Руки отмотала. Как уснёт, вдвое тяжелее становится, – пожаловалась она.

Рядом проходили молодые дамы. Они громко разговаривали:

– Устроил нам фашист проводы. А где же наши «красные соколы»?..

– Красным соколам – ни спать, ни есть. Вся Европа набросилась, – громко сказала тётя Настя.

Молодые женщины обернулись и посмотрели на неё:

– Мы что, не правы?..

– Думать надо! Голова не затем, чтобы платки носить! – добавила снисходительно мамаша близнецов.

Дамы притихли, соседи возвращались вместе, одной семьёй.

Вечерело. Большое красное солнце скатывалось к горизонту, где, касаясь земли, словно клубы дыма, висела тёмная туча.

– Если солнце опустится в тучу, то завтра будет или ветрено, или пойдёт дождь, – заметила тётя Настя. – Примета верная.

– А мы завтра пойдём в школу? – спросил её Колька.

– Пойдёте. Школу пока никто не отменял. Может, ещё все обойдётся и попрут эту орду до самого Берлина... Давайте-ка ребята, наломайте кукурузы. Чует мое сердце: наголодаемся мы...

Она взяла из коляски на руки Нинку, матери отдала патефон.

– Пойдём с тётей Катей не торопясь. Будем ждать вас у крайнего дома, – наказала она близнецам.

Ванёк покатил коляску к полю. Братья втиснули коляску между рядами. Кукуруза созрела. Лёгкий ветерок шелестел в подсохших стеблях.

На поле встречались люди с мешками. Таскаться с коляской между рядами было неудобно, а когда собрали и насыпали в неё кукурузы, Ванёк оставил малыша стражем у коляски.

– Стой и не отходи. Мы без тебя наберём. А то кто-нибудь стибрит или потеряем транспорт. Вишь, как быстро темнеет. Когда мы тебя будем звать, ты откликайся, – наказал он.

Малыш остался «стражем».

Темнело быстро. Кукуруза была намного выше, темень сгущалась. Несмотря на то, что он откликался на окрики ребят, ему тогда впервые стало страшновато. И он, напрягая силёнки, принялся выталкивать по следу коляску в сторону дороги.

– Ты куда ползёшь? – спросил неожиданно появившийся с охапкой очищенных от листьев кочанов Колька.

– Где не темно, – ответил малыш.

– Правильно. Только смотри, не потеряйся... – Он посмотрел в коляску, совсем немного до полной остаётся. Когда все принесут, заполнится доверху.

Колька торопился. Люди как бы опомнились, сообразили, что впереди – голод. Валерку окликали, он отзывался, продолжая выталкивать коляску ближе к дороге. Может быть, и его действия привлекали народ: вот продукт, дармовый, а вы проходите мимо.

Домой возвращались в сумерках с полной коляской. Тётя Настя встретила за мостом, а мать ушла с Нинкой домой.

– Ух, сколько нагрузили! – посмотрела она на кукурузу. – Да неужели все початки очистили?

– До единого. Вовка сначала не хотел чистить, а мы с Ванькой заставили, – распространялся Колька. – А Валерка, – силища, как у трактора. Один груз такой на дорогу вывез...

– Я хотел нашелушить, чтоб набрать только чистого зёрна, – заявил Вовка, чтоб и его похвалили.

– Ты бы до утра «набирал» зерно. Кукуруза ещё сырая, – пояснил Колька, – она просто не вышелушится.

Перед вечерней зарей в степи кружили стаи скворцов, перекликались жаворонки, а сейчас турчали сверчки. Посёлок словно вымер – ни огонька. Поэтому совсем неожиданно подошли к своей улице. И какие махонькие, подслеповатые без электричества, сиротливо смотрелись дома Стандартного, вроде мёртвые.

– Мы с Ваньком видели, как паровоз подцепил вагоны. Увезли нашего папаньку, – грустно сказал Колька, чтоб нарушить охватившее всех молчание.

Тётя Наташа добавила:

– Я вся испереживалась, вот думаю: налетят стервятники, начнут бомбить, а им и укрыться негде. Хорошо, что обошлось... А вот мы и приехали. Скажите матери, пусть приходит за кукурузой. Завтра поутру возьмём тачку, и все поедем, пока она ещё есть.

«И не поехали, не получилось с тачкой... а то бы всё равно вояки забрали, они кукурузу очень лопают...»

Сон не шёл, может быть, потому, что он уже выспался до воздушного боя. Валерка стал думать, вспоминать, что ещё было после проводов отца до прихода в посёлок итальянцев, как растаскивали магазины, ребята ходили на станцию смотреть на эвакуированных, на эшелоны с красноармейцами и призывниками, как наши отцы:

– Может, такое случится, – мечтали близнецы, – мы приходим на станцию, там эшелон с бойцами, а среди них наш папанька. Может, такое быть? – И убедительно заявляли: – Может.

Их обмундировали, дали оружие и везут на фронт, а фронт в той стороне, – показывали на запад.

Очень хотелось Валерке пойти с братьями на станцию. Но Колька всегда был против.

Был бы он побольше, а возиться с таким соплячём, претило его самолюбию.

Малыша утешало то, что и они, сколько ни ходили на станцию, а так и не встретили своего отца. А после того, как попали под бомбёжку, тётка Настя запретила им бывать на станции.

«И вот не стало ни тётки Насти, ни близнецов. Упадёт на этот дом бомба или снаряд – и всё... Хорошо, что Петров всыпал мародёрам, может, они больше не появятся!» С этой мыслью он засыпал, загадав, что завтра, если не будет стрельбы, не придут мародёры и не будет наступления, – он видел, где завалился один из подбитых самолётов: «Можно подговорить Вовку и пробраться к нему – это в дальнем овраге».

Пока все спали, получилось, что он вспомнил всю жизнь до прихода войны, пытаясь разгадать, что же будет дальше.

Вдруг кто-то грохнул в уличную дверь раз, потом ещё раз, так что цокнули стекла окна о крепёжные гвозди. «Кто ж это ещё не успел уснуть?» За окном чернела непроглядная ночь. Не плясало на стене, напротив плиты, пламя. В комнате стояла темнота, как в погребке.

Мать быстро встала, накинула платье и застыла у двери. По коридору кто-то шаркал. Можно было догадаться, что он шарит по другой стороне; там двери бабы Груши и молодой татарки Тоськи, которая живёт с дочкой, ровесницей Нинки. Мужа её, Фаиля, призвали в армию перед самой войной. Ходили слухи, что он дезертировал и живёт у татар на хуторе. Был случай, что однажды перед ночью кто-то приходил к Тоське. Баба Груша говорила: татары приходили и хотели забрать Тоську с дочерью на хутора. Та не согласилась и не отдала Фариду. Груша подслушала разговор ночных «гостей» и передала матери.

«Никто из мародёров по ночам не шастает, возможно, это опять к Тоське?» – Валерка прислушался к шарканью в коридоре. Мать стояла у двери не шелохнувшись, неподвижно белели рукава её светлого платья. Но вот со скрипом распахнулась дверь напротив. Бабы Груши дверь. Она ни днём, ни ночью не запирается. Баба, как видит мародёров, удаляется. И те даже перестали заходить в пустую квартиру.

– Який там грець?.. – услышали голос бабы.

Хлопнувшая дверь обрнула голос Груши. Вовка и Валерка вскочили и подбежали к матери. Захныкала Нинка.

– Марш в постель! – шепнула мать и подтолкнула сыновей, прошла к Нинке и стала её успокаивать.

– Вроде кто-то там, в квартире Груши бубнит, – сказал Вовка.

Он ночью тоже не спал:

– Вот тебе и затишье, – сказал он матери, – может, они надумали наступать ночью, сейчас погонят нас впереди на пулеметы... шастают по коридору...

– Молчите! – приказала мать.

Дети затаились, даже Нинка перестала хныкать. Мать сунула всем по коржику. А за дверью что-то происходило. И вот после хриплого выкрика раздались выстрелы. Несколько минут царил тишина, затем скрипнула дверь и осторожно постучали.

Показалось, что в комнате все перестали дышать. Стук повторился. Мать спрятала детей за пустым шкафом. Подошла к двери, спросила:

– Кто?

– Та я, баба Груша. Видчиняй.

Мать откинула крючок.

– Одягайся и выходи скорыйше... всё побачишь сама.

Бабка Груша говорила тихо и сдержанно, но прерывистая одышка выдавала её волнение.

Мать уложила Нинку, шугнула ребят в постель, оделась и вышла.

Дети слышали, как по коридору тащили что-то тяжёлое волоком. В щель братя видели. Мать и баба Груша кого-то уносили в сторону оврага.

Мать не расскажет ни Валерке, ни Вовке, что произошло и кого они понесли. Малыш тихо оделся, прокрался к двери.

– Ты куда? – остановил его старший брат.

Вовка прошёл к окну, отодвинул немного штору с той стороны, с которой смотрели все, когда надо было выглянуть на улицу:

– Я мамке скажу. Никуда не ходи. Ишь, собрался.

– Я во двор... – Валерке не хотелось вступать в пререкание.

– А ведро в углу зачем?

– Я не хочу в ведро...

Валерка быстро выскользнул. Как можно тихо приоткрыл дверь в квартиру бабы Груши. На столе, в блюде, потрескивая, горел фитилёк, рядом лежала большая булавка. Тонкая ниточка копоти тянулась к самому потолку, и неприятный запах горелого распространялся по комнате.

На самом краю стола жуковато возвышался пистолет, а у плиты, перед опрокинутой табуреткой, чернел похожий на небольшой напёрсток предмет. Он поднял его – гильза от патрона. Спрятал её в карман, булавкой подвинул фитилёк, и копоть усилилась. Осматриваясь, пошёл по тёмному следу к двери, постоял, прислушиваясь, и вернувшись, взял пистолет, тяжёлый и холодный. Спрятав под пальто, выбрался в коридор и шмыгнул к себе. Так он принёс оружие в квартиру. Вовка всё стоял у окна и смотрел в щёлочку.

– Куда они ушли? – спросил Вовка.

– Кто? – спросил малыш.

– Мать и баба Груша...

– Не знаю... – ответил Валерка и посмотрел в угол за веником, куда спрятал наган, который принёс из комнаты Груши.

– Длинная ночь... холодно там?

– Холодно. А ты верни наган.

Вовка не ответил, а сказал:

– Давай, пока ночь, ещё дров в плитку подбросим. Сходи принеси, ты одевши.

– Пойди и принеси дров сам.

Валерка не собирался показывать оружие брату – отнимет, но надеялся, если уйдёт тот в сарай, разглядеть находку, как следует.

Он, не подумав, положил пистолет за веник, и мысли не было о том, откуда он появился на столе у старухи.

Брат ткнул в жар поленом, пошуровал кочергой, а когда оно вспыхнуло, подбросил угля. В этот момент у него выскользнул из-за пазухи пистолет и грохнулся на пол.

– Наган! – прошипел малыш – Мой, – нагинаясь за пистолетом.

Отсвет огня зловеще обозначил воронёный ствол. Вовка шагнул ближе к плитке. Он ещё не успел закрыть заслонку:

– Я слышал, как стреляли...

– Давай спрячем, – предложил Валерка.

– Я скажу мамке... отнеси, где взял!.. – настаивал брат.

Он хоть и старший, в школу ходил, и близнецы с ним дружили, а был ябедой. Отнести бабе Груше в пустую квартиру. Но откуда этот наган появился и кто стрелял?.. Малыш услышал, по коридору протопали, у двери пошептались. Они отошли от плиты, замолчали.

Мать появилась на пороге:

– Вы, почему не спите? Сейчас же в постель!..

Братя как по команде шмыгнули в постель.

Она разделась и пододвинула табуретку к духовке, вошла баба Груша.

– У меняэ хтось був, – сказала она, – мабуть, татарка. Взяла наган...

Ребята притихли, притворились сонными.

– Пагано шо нэмае хуртовыны. А то сниг пийшов бы. И то гарно...

– Откуда он пришёл, туда мы его и стащили. Снег ещё может пойти. Если утром пойдут «немцы» в наступление, им будет не до него.

Мать отодвинула заслонку и отправила в плиту последнее полено.

– Я вже спала, як воно вползло. Вползло – и за наган. Рука в прогорелой рукавице. Я его кочергой, та из его нагана. Воно ж на ногах с трудом стояло.

Груша помолчала, уняла одышку и добавила:

– Мы бачили с дидом таких щё в восемнадцатом року. Вони сюда прийшли вбываты, йих трэба беспощадно уничтожать!..

Мать молчала. Полено разгорелось, отсветы сквозь заслонку запрыгали на стене. Баба Груша, сложив руки на животе, сидела как изваяние и смотрела на щели в заслонке. Лицо было в глубоких тёмных морщинках и красных отсветах.

Мать встала и направилась к двери.

– Ты далеко?

– К Тоське...

– Ма, наган у... – Вовка не договорил, Валерка опередил его:

– Я взял и выбросил за сараем в снег...

– Цэ добрэ, – она с облегчением вздохнула, – щё трэба прибраться. Я зараз набэру цибарку снега, та поставлю у вас на плиту, бо свою разжигать зачем.

– Ставьте, – согласилась мать.

Прежде чем уйти, баба Груша сказала:

– А ты не злякалась?

– И вы не испугались, – ответила мать. – Так бесстрашно расправиться...

– Шо тут пужаться. Я щё не то бачила: вид немца в восемнадцатом року. Це ж наши его сбылы. А хто знав, шо вин выпрыгне з литака... хто знав, шо его до мене луципер занисе... Та, прийшов бы як, людына, а то – за наган. А шо тут зробішь?.. Я бачила таких вояк...

– Мам, а баба Груша немецкого лётчика убила? – спросил Вовка, когда она ушла.

– Спи! Никого она не убивала. Мать приоткрыла штору: – Скоро начнёт светать. Спите...

Засыпая, малыш слышал, как баба Груша поставила на плиту ведро, набитое снегом, слышал, как Груша довольным голосом говорила матери, что на «вульцэ хуртовына».

Как только дети заснули, пистолет немецкого лётчика мать нашла и выбросила подальше от двора.

Утром шёл мелкий снег и мела позёмка, а в открытое окно светило яркое солнце.

Глава V

На другой день утром мать дала детям по сухарю:

– Всё, последние... ешьте скорее, – пододвинула кружки с кипятком.

Кипяток оказался приправленный шоколадом. Мать не раз предупреждала: «Вы ребята большие». Валерка вначале не знал, как относиться к слову «большие». Он – «большой». Вовка – ладно. «Прежде чем что-то взять в руки, – подумайте», – наставляла мать. Он подумал и согласился: «С Нинкой я большой. Братья-близнецы, Вовка выше меня. И думать умеют, нашли красивую какую-то штуку, – колёсики, всякие гаечки торчат... Крути. Ванёк как швырнул эту штуку, а она так рванула, что в мёрзлой земле воронка получилась. Не подумали бы братья-близнецы, начали раскручивать – и к богу в рай... Есть среди пришедшей солдатни такие, которые приносят в Стандартный и оставляют всякие такие хитрые мины. Ловушки на таких ослов... Думать надо; а вот как лётчик немецкий к Груше приполз?.. Сбили самолёт – он на парашюте спустился. Если бы днём, ему не дали бы спуститься. Линия фронта... – Валерка поскрёб затылок, покосился на старшего брата. Тот о чём-то с матерью шепчутся. – А лётчик не подался в сторону Казачьей крепости. В свою сторону пробирался, – он покосился на Вовку: без его помощи не разобрать этого необычного происшествия».

Валерка подождал, когда у них с матерью закончится разговор. Приблизился к брату, заявил:

– Житуха в квартире, не то, что в погребе...

Они с Вовкой переглянулись, а он подумал: «Наверное, у немецкого лётчика шоколада было много».

Мать ополоснула кружки, сходила в сарай и принесла ведро угля, положила что-то завернутое в тряпку и толь в ящик, засыпала сверху.

– Может быть, и сегодня не появятся эти черти, – она помолчала немного и добавила: Возможно, они больше не придут. Но как жить?.. – И, спохватившись, приказала: «Сходи в сарай тёти Насти и принеси пилу. Вот тебе ключ. Посмотри, есть ли у них уголь. У нас кончается».

Мелкий снежок, выпавший ночью, ослепительно искрился под яркими солнечными лучами. Необычно суровая зима и первый погожий весенний день. Забылась тревожная ночь, не верилось, что всё живое подстерегает смерть, за каждым человеком следит война.

Его следы вдоль дома к сараю тёти Насти по снежной целине отпечатались чёткой цепочкой. А раньше сколько их тут было: Валерка вспомнил: в прошлые зимы они катались не только на санках, но и на коньках по дороге. Сколько людей ходило по улицам мимо домов!

Мать не учла, что замок на соседском сарае висел выше, чем у них, и малыш не мог дотянуться, чтобы его открыть. Поблизости ничего подходящего, чтобы подставить под ноги не было. Он посматривал в сторону разбитого дома, там можно найти подставку: обломок доски, кирпич.

Подошла Тоська:

– Ну что, не достаёшь? Каши не ешь и не растёшь. Давай открою.

Он отдал ей ключ. Тоська открыла и подождала, пока малыш нашёл пилу.

– Спроси у мамы, может, она возьмёт Фаридку, пока я схожу менять. У нас нечего кушать... совсем нечего... – нагнулась и спросила: – Ночью вы ничего не слышали? Кто шаркал по коридору...

Мальчик посмотрел в её лицо. Тёмные раскосые глаза увеличились, скулы заострились, и сухие потерявшие цвет губы потрескались. Она вернулась к началу разговора:

– Спросишь, скажи мне.

Отдала ключ, направилась к дому. Валерка взял щепоть снегу, отправил в рот. С крыши свисали сосульки, и так захотелось добыть хотя бы одну. Капли, падающие с них, пробили в снегу дырки. Он подошёл и стал ловить ртом капли. С пилой было неудобно, и малыш решил снести её. Вдруг бабахнуло, да так, что от орудийного залпа он согнулся, тут же с рёвом пролетел снаряд, и над Казачьим Постом взметнулось облако чёрного дыма, воздушной волной Валерку отбросило к стенке. Ладонь правой руки пронзила острая боль, и снег под рукой стал окрашиваться. Он разжал руку, выронил пилу. Там, куда она упала, тоже появились кровавые пятна.

Мать выскочила из дома с Нинкой на руках, рядом с ней Вовка, следом баба Груша. Увидев окровавленного сына, мать изменилась в лице. Груша посмотрела руку, сказала матери, чтобы она не возвращалась.

– Скорейше до погреба. Я зараз прииду...

Сознание как бы померкло. Он слышал пулемётную стрельбу, разрывы, а что происходило вокруг, не соображал, в себя пришёл в подполье. Баба Груша перевязывала руку, заявив при этом:

– Пилой поранился, ничего страшного, заживе, як на собаки...

На ящике, который заменял стол, горела свеча.

Закончив перевязку, баба Груша зажгла каганец и погасила свечу.

Сейчас малыш слышал канонаду, наверху творилось что-то невероятное, а Вовки в погребе не было. Стрельба необычная, такие взрывы, что с потолка погреба сыпалась земля, при каждом вздрагивали стены, вжимался в блюдо огонёк на фитиле, а Вовки не было.

Женщины не поддавались панике, нашли дело.

Мать и Груша занимались бурками. Мать один закончила стегать, и баба Груша, при столь слабом освещении, рассматривала её работу, а мать доделывала второй. При слабом свете каганца шила она ловко.

– Ото з того летуна надо було стягнуть його обутку. Добрые чоботы буллы б. Правда, один прогорел пид коленом, но то можно заштопать...

– А с теми чоботами – в петлю, – сказала мать.

– Та им сейчас не до тэбэ...

Наверху так ахнуло, что крохотный огонёк с бархатистым хохолком копоты как бы ужасся, сверху ещё сильнее посыпалась земля, качнулись стены, и холодная сырая тьма волной хлестнула из одного угла в другой. У крохотной золотистой горошины огонька над блюдцем волна воздуха вздрогнула, качнулась и застыла над фитильком неподвижной чёрной глыбой. Вязкая тишина опускалась вместе с пылью на блюдо, огонёк, который выпрямился, вскинул заострённый шип своего тёмного из копоты шлема, а баба Груша перекрестилась, прислушалась, потом отстегнула от фуфайки булавку и поощрительно шевельнула фитилёк. Он фыркнул, стрельнул крохотными искрами в нависающую темень. Огонёк окончательно распрямился, вытянулся, оттесняя копоть. В погребе посветлело.

Мать подошла к лестнице и позвала:

– Вовка!

– Это ж дэ вин?. – спросила темноту Груша.

Ладонь правой руки заполнялась пульсирующей болью, а от бабкиной перевязки тянуло керосином. Когда она появилась с куском белой материи и четвертинкой, Валерка подумал: рану смажет йодом. Она намочила тампон, – резкий запах керосинашибанул в нос.

– Керосинкой пахнет...

Из темноты появилась Нинка, подошла к матери, протянула ручонки, стала просить кушать: – Кашки хочу, погрей на керосинке.

Малыш заметно пробрался к выходу.

– Посмотри Вовку и не закрывай ляду! – сказала вслед мать.

Он вылез, прислушиваясь к далёкой стрельбе, доносившейся со стороны татарского хутора, прошёл вперёд, щурясь от яркого света. Половина крыши сарая отсутствовала, щелей, расколотых, вышибленных досок прибавилось. В сарае никого не было. Держа руку навесу, он прошёл к фундаменту из серого камня, у которого лежало большое оцинкованное корыто. Фундамент с этой стороны был повыше. Встав на корыто, посмотрел в щель. Поле, покрытое белой скатертью снега, ровное до самого оврага. И овраг отсюда из сарая не заметен. Зато склон перед Казачьим Постом весь в чёрных оспинах воронок, и главный дом крепости с башенкой на углу – без крыши:

«Вот это долбанули!.. Из тяжёлой пушки...»

Он спрыгнул с корыта, пробрался среди разного хлама до распахнутой двери, посмотрел на дом. Стоял, как всегда, а вот окна с бумажными крестами зияли кое-где пустотой: «Стёкла вылетели, но не все. И зато спасибо... А где же Вовка? В доме, что ли?..»

Мысли прервал нарастающий шум и рокот. Валерка выглянул в дверь. Из-за развалин ничего не видно. Пришлось вернуться. Собираясь стать на корыто, он вдруг отпрянул. Корыто шевелилось и ползло вдоль фундамента. Собираясь дать тягу к матери, малыш услышал сдержанный смешок и сообразил, кто под корытом. С одной стороны виднелись дырки. Ещё при первом обстреле они были пробиты пулями, когда корыто хранилось в летней кухне.

Валерка пнул корыто ногой. Вовка приподнял своё укрытие, встав на колени. Он был очень доволен, что «ошарашил» брата фокусом с корытом.

– А тебя мамка звала, – сообщил Валерка.

– Я не слышал. Позовёт ещё. Давай сюда ко мне. Будем наблюдать за боем, они сейчас полезут, обязательно полезут, если из тяжёлых орудий разбили крепость. Это они такие пушки из Горловки притащили.

– Откуда ты знаешь, что из Горловки.

– Ванёк говорил. Ни у итальяшек, у этих макаронников, ни у румын-мамалыжников и у другой шоблы тяжёлых пушек нет. У них даже танки-жестянки. Это немцы из Горловки приволоклись. Тебе-то всё равно, мал ещё и в таких вещах ни бельмеса. Они нашим, знаешь, сколько расскажут – эти близнецы. Они, как разведчики – всё высмотрели.

Вовка перестал распространяться, шум и рокот моторов хорошо был слышен:

– Идут... лезь ко мне, тут и руку ничем не заденешь. Вот туда смотри, на поле, сейчас начнут выползать... А наших на Казачьем Посту, наверно, нет. Видел после разрыва снаряда, когда чёрный дым отнесло в сторону: бойцы из дома выскочили. Они такие высокие, и у них такие длинные шинели! С пулемётом был кто-то из них. А после ещё выбегали...

Вовка замолчал, но только на поле показалась первая цепь наступающих, как затарахтели мотоциклы где-то неподалёку. Они с Вовкой решили высмотреть, что происходит. На поле первыми шли всякие-разные, потом румыны в своих овечьих папах, за ними – итальянцы. Обычный «парад-наскок». Они шли, соблюдая дистанцию. И вдруг ребята увидели мотоциклы с колясками. Увидели и растерялись, кто мог быть на этих мотоциклах? Никогда, никакой техники не было.

– А вот кто... – сказал Вовка. – Кто на этих мотоциклах?.. Немцы!

Мотоциклы ползли вдоль их дома. В коляске сидел солдат в серо-зелёной шинели с пулемётом. Такие не ходили раньше здесь в наступления. Удирали пехотинцы, а наступали всегда на поле. Эти двигались, по-видимому, к полуразрушенному дому, из которого Колька и Ванёк наблюдали за Казачьим Постом. Вовка разгадал замысел мотопехоты: когда наступающие «разные и всякие» начнут драпать, как говорили близнецы, немцы их приостановят. Так поступали итальяшки. Ребята слышали, как однажды собрались соседи, после первого посещения нейтральной полосы оккупантами. Определили безошибочно, кто ворвался в посёлок. Лишь подростки и дети сообщали друг другу, что пришли немцы. Заблуждение быстро развеяли уточнением, что мародёрствуют в посёлке «макаронники»-итальяшки. Кто-то даже облагоро-

дил немцев: «Будут они шастать по дворам, рыться в женских тряпках. Немцы – это хозяева Европы, покорители народов...» Даже такое восхваление воспринялось тогда с молчаливой обречённостью: вот-де как нас накрыли... Не хватило силёнок в противостоянии, или где-то в верхах затаились враги народа: беляки, кулаки и всякие царские недобитки. Пролетарии, которых десятки лет призывали к объединению с товарищами всех стран, ушли на защиту Родины. Сейчас каждый боец недоумевает: как же такое случилось, что немецкий пролетарий, который брался ещё в той Первой мировой, его коммунистические лидеры, начиная от Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Тельмана и других, чьи имена носят улицы, посёлки, города в Союзе, и вот, пожалуйста – исчезли: нет их. Пусто и голо, и из этой пустоты – фашисты. Сила всепокоряющая. Даже какие-то итальяшки с чёрными петушиными перьями в экзотических головных уборах – такое вытворяют, а эти румыны, венгры, поляки... и кого только, какого пролетария не принесло на русскую землю. А тут ещё летают слухи, что на оккупированных территориях – предательство. Даже есть случаи – бывшие руководители, коммунисты, идут на службу к фашистам: «Если так легко всё отдают, всё может быть». Кумушки, любившие посу-дачить, объявляли: «Затаившиеся элементы активизировались». Женщины, старики и старухи, проводившие своих мужей и сыновей в Красную Армию, в основном, растерянно отмалчивались. Никакими репрессиями, запретами не лишит русского человека правоискания, любви к справедливости. Не зря такая тяга у него к соборности, коллективности. На этой тяге вроде сыграли, раскусили русскую душу Тут тебе великие стройки, армейские сборы, ГУЛАГи, колхозы, совхозы... Тут тебе и малограмотные, а то и вовсе безграмотные стукачи. Ловко раскрутили «карлы-марлы». Похожие рассуждения тоже были. Вот она – свобода, перед погибелью: нейтральная земля, на которую может ступить любая сила. На нейтральной полосе любители посудачить вначале отводили душу.

Верующие товарищи недоумевали и страдали больше других. Они не грабили, не тащили, не брали – ни из магазинов, ни из складов... отвергая пословицу: «Кто смел, тот и съел». Святые души, свою веру они укрепляли трудом, бескорыстным, самоотверженным. И сейчас они растерялись, как те бойцы в окопах, у которых на пятерых одна винтовка и несколько бутылок с зажигательной смесью. А на них прут «пролетарии всех стран» на стальных чудовищах и вооружённые до зубов. Они сидят, чернозипунники и ждут смерти того, у которого винтовка. Чтобы взять её и вступить в бой. В большинстве случаев бывало, что гибли ожидавшие.

Не хватало у верующих времени, чтобы у каждого было чем защититься, не хватило жестокости, чтобы уничтожить предателей у границ, которые перед нападением врага зажгли костры у воинских расположений, складов с боеприпасами, горюче-смазочными материалами, у аэродромов. Фашисты не только использовали фактор неожиданного нападения. Они выбрали и время, когда с воздуха видны обозначенные цели. А «пролетарии всех стран» уже хлебнули славы победителей, и за два часа перед нападением им зачитали обращение – приказ самого фюрера: «Солдат! У тебя нет сердца, нервов, убей русского, убей советского!..» Убей – и всё тут... в первую очередь – русского. И легли в первую очередь невинные души людей в приграничных селах и городах, – русинов, белорусов... Убей!..» – И распростёртая, благословляющая длань фюрера. – Ты – зверь, скот, у тебя нет сердца, мозгов, нет детей, семьи, ты в броне!.. И советский пролетарий пятился, отступал, в отчаянии вспоминал, что оружие пролетариата – булыжник, хватал и бросал в стальное чудовище, швырял в небо, в бомбовозы...

– Ух, сколько же их! – шептал Вовка. – Смотри, они в развалинах залегают с пулемётами... и за теми, что на поле едут, вон сколько их показалось!.. А Казачий Пост горит, на главном доме крышу снесло... и никто не стреляет... А что, если немцы зайдут сюда?!

От этой мысли у ребят зашевелились на голове волосы: «А что, если зайдут?!» – Они посмотрели на приоткрытую ляду погребя.

– Наши не стреляют, – сказал Вовка, – они уже подошли к оврагу. А наши не стреляют... Раньше их к оврагу не подпускали. Вот, если сейчас врежут!..

Вовка вылез из-под корыта. А там, на поле, первая разношерстная цепь наступавших подошла к самому оврагу и начала скатываться, исчезать на глазах, словно в преисподнюю.

– Ты мне в нос свою «керосиновую» руку не пихай! – раздражённо заявил брат и отодвинулся от Валерки: Он нервничал, с Казачьего Поста не стреляли.

После того, как скрылась в овраге первая цепь наступавших, румыны прибавили резвости, что-то завопили, на поле среди румын взметнулись огненные фонтаны, – один, другой, откуда-то издалека прилетели приглушённые выстрелы орудий – и всё. На тех, которые упали после разрывов снарядов, никто из наступавших не обращал внимания. И цепи скатывались в овраг, и уже не цепи, а как чёрные муравьи, появились, перебравшись через овраг, на другой стороне. Так, врассыпную, они приближались к стенам старой Казачьей крепости.

– Ну, сейчас... ну, сейчас, – шептали братья, – так сыпанут, так ударят!..

Молчал Казачий Пост.

Немцы на своих мотоциклах с колясками стояли перед оврагом и эти, засевшие с пулемётами в полуразрушенном доме, тоже не стреляли.

И чтобы не думать о гибели защитников крепости, Валерка заговорил:

– А куда делись Ванёк с Колькой, как ты думаешь?.. Ушли, наверное, вместе с бойцами.

– Ушли, конечно, – сказал Вовка. – Есть хочется, аж в животе бурчит...

Лучше бы он не напоминал о еде. Сейчас и носа нельзя высунуть. Что ж дальше?.. Вовка отодвинул корыто. Они не видели, когда из погребца появились мать и баба Груша. Услышав скрип лады, затаились.

– Где же они? – мать зашла в кашле.

– В хате, дэ ж йим где быть...

Кто-то из них пнул, или наткнулся на корыто. Братья хихикнули.

– Та тут же воны! – Груша приподняла за край корыто. – Ось дэ твои хлопьята. Сховались под корыто, думают, что корыто спасет. Вот дурни.

Им рассказали о том, что видели. Баба Груша понаблюдала в щель: как бы оценила обстановку:

– Що ж воны поубывалы всех наших? Не може такого бути...

И как в подтверждение сказанного, за Казачьим Постом началась пальба.

– Вон куда наши ушли от этой страшной пушки, – заметил Вовка, – и близнецы с ними.

– Да, хлопцы Насти не должны загинуть, – отозвалась баба Груша – мы тож... зараз, и мы довжны податись звидцы геть. Во исты тут ничего, вси повмыраем... Если нас нэ вбють, то завтра – уйдём.

В щели просачивались косые солнечные лучи, похожие на прямые сосновые дранки. Валерке казалось, что они и пахнут смолистым ароматом свежераспиленного дерева. Очень хотелось выйти на улицу, встать где-нибудь за стенкой, погреться на солнышке. А ещё – съесть краюшку тёплого хлеба, щедро политого постным маслом, чуть присоленного, с хрустящей корочкой.

Груша со вниманием разглядывала сквозь щели мотоциклы у полуразрушенного дома, людей, что стояли вдоль оврага, уменьшенные расстоянием фигуры вооружённых, в тёмно-зеленых шинелях солдат.

– Цэ нимцы, – сказала она, – нимцы... Треба уходить, бо воны тут будуть довго. Воны будуть пока вся европейская голытьба не займе крепость. Веры дитей – ухоть!

– Куда я с ними? – мать развела руки, имея в виду нас троих.

– Знаем куда, – сказала баба Груша, направляясь к приоткрытой двери сарая. Она распахнула дверь широко, как бы оттолкнула её, и в это мгновение во дворе раздался взрыв. Словно хлестануло по доскам сарая щёбёнкой, на голову бабы Груши полетели щепки, она качнулась, вскинула руки, грозно опустила на землю. Мать посмотрела растерянно вокруг и кинулась к Груше. Подхватив её под руки, оттащила от двери и прислонила к фундаменту. По лицу

старухи к подбородку стекала струйка крови. Мать припала ухом к груди, проверила у бабы пульс. В наступившей тишине слышался плач Нинки. Плач как бы образумил её. Она отошла от старухи, подталкивая детей в спину, приказывала:

– В погреб! Быстренько в погреб...

В погреб догорал фитилёк на блюде. Мать засуетилась. Валерка сообразил, что она ищет, от чего бы оторвать тряпку, чтобы свить другой фитилёк, и показал ей свою забинтованную руку. Она осторожно развязала, оторвала полоску, сложила вдвое, стала катать, скручивать. Потом опустила в блюдо, где ещё осталось немного жидкости. Покатав в неприятно пахнувшем растворе фитилёк, она подожгла его. Фитилёк зачал, вспыхнул.

Мать пригасила вспыхнувший край, опуская его в блюдо. Нинка хныкала, просила есть. Никто не обращал на неё внимания, дети находились под впечатлением гибели бабы Груши, так просто и так неожиданно погибла старуха.

Нинка выбралась из своего угла и дёргала мать за подол. Мать погладила её по белёсой головке, прислушалась, прошла в дальний угол и вернулась с узелком. Она достала из узелка серый, с тёмными крапинками, кусок макухи. Отломила, дала каждому:

– Не грызите, а сосите, как конфетку. Шелуху постарайтесь выплёвывать, – она вздохнула. – Переживём эту ночь... завтра, даст бог, уйдём.

Часть II

Во вражеском окружении

Глава I

«Каждый переживает свою беду по-своему, а если беда общая, тут много судеб схожи. Вот люди и должны бедовать вместе, пока наши мужи не победят», – так говорила мать братьев-близнецов. И нет тёти Насти, нет бабы Груши, у которой были счёты с немцами ещё с 18 года. А где сейчас близнецы, живы ли? И у Валерки, если выживет и станет большим, будут счёты не только к немцам, итальяшкам, румынам, полякам... ух, сколько их набирается. Как же получить с них по счетам? А если убьют или искалечат отца... тогда как он узнает, кто это сделал. Некоторые Сталина ругают, а такие, как баба Груша, тётя Настя, Тоська и сколько он ещё слышал, только на Сталина и надеются: «Вот Иосиф Виссарионович никогда не сдаст Москву...» – А когда узнали о победе под Москвой, сколько было ликования. Поздно узнали на нейтралке, но о вожде пошли восторженные разговоры, и те активные говоруны придерживали языки и больше теперь помалкивали». – Валерка не все понимал и приставал с расспросами то к братьям, то к матери.

Они не уехали, вернее, не ушли в числе первых из посёлка. Мать добывала санки, без санок далеко не уйдёшь. Подушку, лоскутное одеяло, кастрюлю, кружки, ложки, чайник и ещё самое необходимое, – унесёшь ли в руках, а как быть с Нинкой?! Она нашла продуктовую захоронку бабы Груши. Два дня кормила всех почти досыта.

Как соседи, они знали, что хорошие санки были у близнецов. Мать проверила в сарае и не нашла их.

– Хотя бы коляску обнаружить, ту, в которой Ванёк с Колькой патефон возили. – Нинку бы посадили, и – в дорогу...

В поиск «транспорта» включились ребята. А жители посёлка тоже не дремали. Даже уцелевшие дома громили. Окна были выбиты, двери сняты, начинали отдиирать доски пола. Санки

и коляска – предметы очень нужные, и если братья «транспорт» хранили в квартире, то его забрали в первую очередь, кому это неизвестно.

Они проникли в сарай, почти без надежды. Оставшихся в посёлке жителей без труда можно было посчитать. Поэтому люди быстро узнавали, кто погиб, ушёл или кого пристрелили мародёры, а то и умер от голода. Конечно, об уходе близнецов в первую очередь узнали соседи.

– А давай посмотри в сарае бабы Груши, – предложил Вовка. – Груша, – дерево не простое... Такая баба, что ох как бы она помогла нам.

– Зачем ей санки и детская коляска?

Вовка даже рассмеялся. А на сарае бабы Груши ещё висел замок. Ключи валялись и от квартиры, и от сарая в комнате на окне. Он сбегал за ними, и ребята вошли в сарай, который был забит всякой всячиной. Чего здесь только не оказалось: школьная парта и доска, треснутый большой глобус, рамы, двери, сетки от кроватей, драный диван, стулья, целое кресло, тачка с одним колесом, громоздкие сани. Вовка кинулся с криком:

– Смотри, тачка, сани!..

Сани прикрыты тряпьем и тачкой.

– Да эти сани для лошади, и тачка такая громоздкая, ещё и с одним колесом. Вообще-то баба Груша была себе на уме, – рассуждал Вовка, – если здесь хорошо посмотреть, и второе колесо может быть. Дров-то у неё! Угля, а почти не топила. Пошарить тут по углам, пошевелить земельку! Такие бабы Груши золото прячут...

Валерке было все равно, что прячут старухи. Ему захотелось попрыгать в мягком кресле. Он взобрался на него и за креслом увидел ручку знакомой коляски. В коляске оказался патефон братьев-близнецов с пластинками. Растащили разный хлам под спинками от кроватей и – санки. О находке довольные братья помчались сообщить матери.

Только они вбежали, ещё не успели рта открыть, – затопали в коридоре. Распахнулась дверь, ввалились мародёры. Осмотрелись, вытерли сопли, приблизились к плите, она топилась. Их было трое, в обычной форме: шинелях, крагах на шипах; когда итальяшки приходили по обледелой дорожке, лёд только трескался, даже крошки летали, словно из-под копыт кованых коней. На головах у этих вязаные подшлемники, поверх каски. От шипов на досках пола отметины оставались.

Плита топилась, не на нейтральной полосе теперь – на оккупированной земле.

Уцелевшие после наступления жители не думали, что оккупанты будут продолжать мордёрничать. Не думала и мать. Ещё вчера ребята пробрались на Казачий Пост. А там одни стены остались, метра полтора в ширину, а то и побольше. Стоят эти стены, изнутри обгорелые, а снаружи чистые, как бывают дикие камни в степи на кряжах. Только в тех местах, куда били снаряды, внутри – круг, а вокруг – лучи. Со стороны города все стены в таких кругах, похожих на солнце. Ни черта не брали эти стены вражьи снаряды... Пушка, которую притащили немцы из Горловки, эта наворочала: снаряд прошёл через крышу, проломил бетон и в том помещении, где Валерку Пётр Петров угощал кашей, – глыбы.

В тишине, среди чуть припорошенных весенним снежком обломков кровли, недогоревших стропил, малыш заметил застывшую пару голубей.

– Ух, ты!.. – Вовка подобрал одного, другого, осмотрел. – Это их воздушной волной пбило. Один – вот, без крыла, перья обгорелые... а чернорябый целёхонький. – Он понюхал, – свежати́на, суп сварим.

Ребята пошастали среди лабиринтов и выбрались из стен, прошли к траншее, по которой помкомвзвода привёл Валерку в ту ночь из охранения к себе в подвал.

– Здесь должен быть вход в подвал. А там крупы мешки и других продуктов видимо – невидимо! – спрыгнул Валерка в траншею.

Но хода не было, его завалило обломками стен, битым кирпичом.

– Вот где клад. Эх, если бы у нас были лопаты, кирка и фонарь! – рассуждал малыш.

– А куда делся фонарь бабы Груши? У неё же был... того лётчика? – спросил Вовка.
– Был.

Вот этот фонарь прервал тогда экскурсию по Казачьему Посту. Ребята с уверенностью возвращались домой; можно между глыб пролезть к продовольствию. Что-то там недоступно, сгорело, но и что-то есть... Они торопились за фонарём, несли за пазухой тушки голубей и мечтали о фонаре. Поэтому пришлось вначале заглянуть в сарай Груши. Замок висел на месте, как они его закрыли. Валерка направился за ключом. Пришёл, а там итальяшки пожаловали, мародёры. Стоят у плиты, на мать посматривают, – она с Нинкой на табуретке у окна сидит. Вовка вслед за братом притащился. Посматривают итальянцы, посматривают на них и о чём-то между собой по-своему – «гыр-гыр».

Вовка с Валеркой ещё в сарае нашли близнецов мандолину без струн, раздобыли тонкой проволоки, натянули и бренчали на ней. Мандолина висела на гвозде чуть в стороне от окна, сейчас её взял один из солдат.

Макаронники немного обогрелись, солдат стал настраивать мандолину. Он так настраивал, так старался, закатывая тёмные глаза под лоб, длинное лицо, с большой нижней губой, покрылось потом, каплюшки стекали по щекам, словно слёзы, исчезали в щетинистой бороде. Двое других итальяшек не снимали касок и подшлемников, а этот, который возился с мандолиной, не только стащил всё с головы, размотал шарф, расстегнул шинель, он готов был что-то исполнить, согнувшись бренькал.

Наконец он перестал бренькать, подошёл к матери и бесцеремонно выдернул табуретку. Она чуть было не уронила дремавшую Нинку.

Товарищи его продолжали стоять у плиты, вытянув грязные руки с растопыренными пальцами. Они никак не могли согреться.

Солдат с мандолиной поставил посреди комнаты табуретку, положил у ног каску и вязаный шлем, передвинул висевший на ремне патронташ, чтобы не мешал. Это он, как только вошёл, осмотрелся и поставил винтовку у двери. У двоих макаронников оттопыривались на боках шинели. Ясно было, что у них пистолеты. Вот непонятно, – зачем они явились. Брать из вещей у них нечего, а еду черта два сыщут. Мать научилась так прятать, – нужен собачий нюх, да и тот не поможет. А этим, с их сопливыми носами – вовек не сыскать.

Мандолинист зажал инструмент, закинул ногу на ногу, указательный палец заплясал на струнах, исторгая мелодичные дребезжащие звуки. Те, которые грелись у плиты, смотрели на него и улыбались. Они выбрали руки, а один в просторной, будто кастрюля, каске, закрывшей половину лица, стал подпевать:

– Брюнь, брюнь... – смешно топыря землистые губы.

Вдруг мандолинист вскочил, с размаху так хватил инструментом о край плиты – щепки брызнули. Он ещё стукнул оставшимся в руке грифом и со злостью швырнул его в угол.

Сыновья кинулись к матери, встали с ней рядом, как бы загораживая Нинку.

– Рус, б-ах, бах, – с угрозой заявил тот, который сломал мандолину.

– Bravo!.. bravo... – захлопал в ладони другой, что был в каске-кастрюле, а другой поднял гриф и, открыв заслонку, бросил в огонь.

– Матка, – обратился он к матери, – уходить надо... наша тут... ваша ходить – век, – показывал он на улицу.

В коридоре слышались шаги. Солдат в каске-кастрюле быстро расстегнул шинель, кобуру, метнулся на звук шагов и привёл Тоську. Все трое осматривали её со всех сторон. И тот, который сказал матери по-немецки – «век», снял каску, стащил подшлемник, под которым оказался ещё платок. С гладко выбритым лицом, в платке, он напоминал покойную мать близнецов, может быть, потому, что в таком платке ходила тётя Настя. Он извлек из бокового кармана круглое зеркальце, протянул Тоське.

Она отрицательно pokrutila головой:

– Не надо... спасибо, пан... – отступила на шаг.

Итальянец что-то сказал, продолжая совать зеркальце.

– Нашёл подарок, – сказала Тоська, – на хрена оно мне, – отступила ещё, ближе к двери. Но итальянец настаивал, чтобы она взяла зеркальце.

Тоська взяла, он тут же извлёк блестящую расчёску, подтолкнул её под локоть.

– Ах, вот чего ты хочешь, – Тоська подняла руку с зеркальцем, и он, заглядывая, стал расчёсывать чёрные и короткие волосы. – Она покорно держала зеркало, пока он расчёсывался.

Вздвигнув жёсткую щетину, он что-то сказал своим. Те засмеялись, по очереди посмотрели в зеркальце. После этого он забрал его и вместе с расчёской опустил в карман.

– У меня там ребёнок, – она решительно шагнула за дверь.

Итальянцы о чём-то переговорили, пошли следом. И тут же раздались удары. Мать посадила Нинку на постель, посмотрела в щель неплотно прикрытой двери. Вернулась, взяла с окна ключи от квартиры бабы Груши, вынесла сбивавшим замок итальянцам. Солдаты отшвырнули ключи, взломали дверь.

Они вернулись, объяснили, хотя мать сообразила, без повторного объяснения, что надо семье уходить.

Макаронники ушли, вот тут мать и спохватилась, отыскивая санки или хотя бы коляску.

Замок, вывернутый с проушинами, так и болтался в пробое. Мать обрадовалась, что итальяшки не унесли ключи. Она знала тайник бабы Груши, – под полом хранился жестяной ящик с продуктами. В тот же день она стала готовиться к отъезду, выискивая «транспорт». Ребята сказали о санках, повели мать в сарай показывать находку.

Тоська плакала: как же она уйдёт, а Фаиль вернётся, где он их найдёт с Фаридкой. Она металась из своей квартиры в Грушину.

– Нельзя уходить, нельзя!.. – повторяла она как заводная.

Перетащив санки и коляску в дом, быстро собрались в дорогу.

– Пойдём к Евдокии Романовой, она приютит, если жива, – сказала мать детям.

Вовка упрекнул мать, поставив Тоську в пример, вот она-де не уходит; вернётся отец, где он нас найдёт? «Мы будем жить в погребе».

«В погребе наживёшь сейчас впроголодь, а подъедем всё, тогда – конец...»

Мартовское утро с легким морозцем выдалось солнечным. К полдню потеплело. Нинку, укутав, посадили в коляску; на санки, – самое необходимое. Мать из запасов бабы Груши поделилась с Тоськой продуктами, оставила свеклы, которую прятала в погребе, и она недалеко проводила бывших соседей.

Ребята потащили санки, а мать – коляску. Её грустный вид беженки угнетающе действовал на сыновей в начале пути. Снежный наст не держал ни санки, ни коляску. Редкие следы не всегда обозначали дорогу, да и не помогали они. «Транспорт» новых беженцев почти полз на брюхе, с треском разрезая ледяную корку наста. Резво ребята рванули вначале. Уходили они с надеждой, что там, на новом месте, не будет этих сопливых, злых и голодных чужеземных солдат, любой из которых может тебя пристрелить. Туда бы только добраться. В другом городе, возможно, нет оккупантов. Там встретит тётя Дуня, старшая сестра отца, такая приветливая, добрая. Никто не думал, что она осталась с двумя детьми, шли к родному человеку за спасением.

Валерка смутно помнил двоюродного брата Николая, а сестру Женю представлял. Она такая же беловолосая, как Нинка, повыше его ростом и не плакса. Любит заводить патефон, у неё двухколёсный велосипед, она учила его когда-то на нём кататься: «Вот где будет житуха!»

Вдруг в городе, среди домов, бухнуло. Над головами с рёвом, обдав резкий волной воздуха, пролетел снаряд. Через небольшую паузу снова бухнуло, и опять беженцы почувствовали удар волны, а потом – такую силу, словно тебя отрывает от земли и тянет в сторону.

По звуку пролетающего снаряда и по выстрелу Валерка узнал ту пушку, из которой стреляли по Казачьему Посту, даже ладонь под грязной повязкой задёргала, заныла. Шли торопливо из последних оставшихся силёнок и почти выбрались к дороге, видны были колеи, а с другой стороны возвышались среди ровных полей дома. Спасение. Невольно повернули к домам, мать окликнула детей и показала, чтобы они шли по накатанной дороге. Ей труднее везти, пробиваясь по насту, коляску. А следы колеи дороги тянулись до маячивших чёрными трубами крыш города.

– Это бьёт та пушка, – сказал Вовка, когда они остановились передохнуть, – та немецкая...

Он вытер рукавом стекавший по лицу пот. Помолчал, как бы соображая о пушке.

– А взрывов не слышно. Во как фронт отодвинулся...

После очередного залпа качнулся воздух, снаряд с рёвом пролетел к невидимой цели.

– Траекторию поменяли, – сказал Вовка.

«Траекторию», а что это такое?.. – подумал малыш, но не стал спрашивать, согласно ответил:

– Ага, поменяли...

Мать боялась, что погибнут дети. Этот страх – от привычки отсиживаться в погребе.

– Не останавливайтесь, дорога рядом. По дороге: катись – не хочу... – Она подобрала выбившиеся волосы из под платка, а концы платка затянула туже:

– Разбухались, душу выворачивает, а наши молчат – помалкивают. И откуда только нанесло этих чертей?.. Наверное, пособрал Гитлер со всего мира. Нам бы дожить до их конца.

– До конца этих доживём, – другие появятся, – сказал Вовка.

Мать посмотрела на Вовку, он хоть и ходил в школу, но там его так рассуждать не учили.

По дороге тащить санки было легче. День разгулялся, колею начинало прогревать солнце, ледяные комья раскисали, расплзались под полозьями санок и коляской. Семья уходила дальше и дальше от нейтральной полосы, своего дома, посёлка, и позади, по следу за ними, шли другие люди. Малыш вспомнил почему-то тех собак охотника, которые живут в щели среди трупов чужеземных солдат, как они их пожирают, представил пустой посёлок, Тоську с маленькой Фаридой, ожидающей возвращения Фаиля.

«Трупы, как растает снег, подберут, и собаки нападут на Тоську; вон какие уже вымахали щенки – с телёнка...» – Такие зарождались у него мысли.

– Передохнем, – предложила мать.

Со стороны степи навстречу двигалась тёмная колонна. Мать осмотрелась, выискивая укрытие, но вокруг – равнина, ни кустов, ни оврагов. С противоположной стороны тоже приближались люди. Неизвестные люди могут быть врагами. Лучше никого сейчас не встречать.

– Мам, а собаки, когда голодные, могут напасть? – подметив беспокойство на лице родительницы, спросил малыш.

– Какие собаки?

– Ну там, которые живут в поле, собаки охотника... Они остались в посёлке и на Тоську нападут...

– В нашем доме будет комендатура или какой-то штаб. Тоську оставили уборщицей, а собак итальяны постреляют. О чём ты думаешь, головушка бестолковая...

Колонна приближалась. Первый возок, доверху наполненный бытовым скарбом: тут тебе стол, стулья, тумбочки, поверх лежали винтовки румынского образца. Впереди, нахохлившись, сидели двое солдат в бараньих папах, один держал вожжи, понукал кляч. У них были тёмные, ко всему безучастные лица. Едут себе, подрёмывают под весенним пригревающим солнышком. Следом тащили, тоже клячи, сани с ящиками снарядов, а за ними – три пушки.

– Такие дохлые коняги, а везут... – Вовка не закончил фразу, с брички, которая следовала за последней пушкой, слез солдат и направился к ним. Он разбросал поклажу, посмотрел в

коляску, Нинка испуганно заплакала. Солдат пнул ногой коляску, проходя мимо ребят, выхватил из рук у Вовки одеяло, в которое дети собирали разбросанные пожитки. Одна из повозок остановилась, с неё соскочил ещё румын и направился к мародёрам. Он остановил солдата с одеялом, что-то ему сказал, показывая рукой на семью беженцев, вырвал у мародёра одеяло, вернул Вовке. Ребята положили его на санки. Пока они собирали свой скarb, обоз проехал.

– Цыгане, вылитые цыгане... – шептала мать.

Она быстро увязала узел и повернула на дорогу. Снег стал совсем мягким, не верилось, что утром был мороз. Впереди, метрах в тридцати, опустилась стайка птиц. Валерка вытащил из кармана пальто рогатку и единственную пулю, с тупым, в отличие от наших, «носом» румынского производства. Птицы вспорхнули; пролетев, опустились дальше на дорогу. Вовка усмехнулся:

– Спрячь рогатку, охотник выискался. Так они тебя и подпустят на выстрел. Тащи санки, мне не под силу одному.

Но малыш уже вложил пулю в «шкураток» и не собирался прятать рогатку опять в карман.

– А ты не размахивай рукой, тяни санки, как следует. Тяни двумя руками, не пугай птиц... – закончу охоту...

– «Охотник», я и один повезу. Идти впереди, смотришь, они подождут своей смерти. Будут сидеть и ждать... – Ясно, что скука заедает брата.

Вовка ещё явно подтрунивал над младшим. Птицы были напуганы человеком. Не подпускали близко. Малыш следил за стайкой, осторожно приближаясь, готовый в любую секунду выстрелить. И вот-вот стайка вспархивает. С навесной траекторией он выпустил пулю. И, какое было торжество, когда одна из птиц, перекувырнувшись через голову, упала. «Охотник» стремглав бросился к ней. Она ещё билась, пытаясь взлететь, когда Валерка настиг её. Птица показала ему большой. В руках она дернулась и затихла.

Вовка оставил санки, подбежал к брату. В открытый клюв птицы сунул снег. Ему не верилось, что Валерка подбил её.

– Она ещё тёплая... голова болтается, значит, не оживёт, – заметил он и, распустив крылья, принялся рассматривать, – что ж это за птица? Я такую видел на картинке... кажется, куропатка...

Мать взглянула на добычу младшего и подтвердила предположения Вовки.

– Куропатку подбил! Как же умудрился?.. Из неё суп сварим.

– А я пулей стрелял, пуля затем и придумана – убивать, – в экстазе выпалил малыш.

– Ишь, добытчик какой, – похвалила сына.

Вовка разглядывал куропатку:

– Куда ж ты угодил? Ага, вот, пуля попала в голову. У ней из клюва кровь...

– Давайте спрячем, – взяла мать птицу, завернула в тряпку и положила в коляску. На том месте, где «охотник» подобрал куропатку, он нашёл и подобрал меткую пулю, ещё не совсем веря в свою удачу.

Они обходили Горловку стороной, мать всё оглядывалась на людей, шедших следом. В посёлке почти все взрослые знали друг друга. С нейтральной полосы ушли, уехали в первую очередь так называемые активисты, ну и коммунисты, после немецких листовок, в которых их так разрисовывали. Дети малые не понимали ещё, что родители выросли при новой власти, а старшие, дедушки, бабушки, помнили и почитали бога, царя. Помнили, как убивал брат брата, грабили богатых. Многие обиженные на новую власть Сталина уходили, чтобы сдаться «немцам». Были слухи, что таких добровольцев увозили в рабство.

* * *

Ясное солнце, синее, глубокое небо, белый снег. После того, как затихла бухавшая пушка, воцарилась тишина, от которой отвыкли. Они жили посреди войны с её звуками, а тут тихо. Это казалось настолько непривычно, словно первые муки голода, с которыми пришли все невзгоды и беды. Вот так семья привыкла к боям, выстрелам и разрывам. Погреб был блиндажом, они жили семь месяцев на передовой, с одной разницей: не ходили в атаку и не стреляли по врагу.

Раза два мать останавливалась отдыхать, кормила Нинку и посматривала на тех, что шли за ними. Наверное, с надеждой, – вместе будет веселее в пути. Но те тоже останавливались. Они видели, как потрошили передних румыны, и успели уйти от дороги в балку. Выждали, теперь соблюдают дистанцию.

Нарастающий гул вначале приняли за гул самолётов и ошиблись. Появились танки. Колонна шла со стороны города. Первые машины исчезали в балке, как будто ныряли в снежную пучину. Выползали они на взгорок огромными разъяренными жуками. Слегка развернувшись, вытягивали пушки, принохивались, страшась потерять темневшую на искристом снегу колею дороги.

Мать остановилась, осматриваясь, заметила в сотне метров от дороги выемку или овражек. Быстро, как могла потащила коляску оглядываясь на ребят:

– Давайте туда, в овражек, – взмахнула она рукой.

«Что ж она так боится?» – смотрел в спину матери, спрашивал себя малыш. Он не думал, что мать боится и переживает о них.

Он с Вовкой тянул санки, куда показала мать. Наст ватно проминался под полозьями, санки проседали, снег налипал на них, – того и гляди лопнет верёвка, за которую они с братом тащили. Матери с коляской было тяжелее, несмотря на то, что она старалась ехать за ребятами по следу. Пришлось ей остановиться. Дети тоже остановились. Мать бросила коляску, села на санки, и Валерка с Вовкой примостились рядом, с напряжением наблюдая, как приближаются фашистские танки. Таких чудовищ они ещё не видели. Танки приближались, казалось, земля ходит ходуном, а когда первый, весь в крестах, с откинутым люком, разбрызгивая влажный снег, зачем-то включил воющую сирену, совсем жутко стало. Он промчался, повернув пушки в их сторону. Заметил фашист, как они убегали с дороги. Следом, на небольшом расстоянии, шёл другой.

– Сколько их много! – сорвалось у малыша. – И все они мчатся, чтобы папку убивать...

– И у наших есть танки? – поднял глаза на мать Вовка. – Правда, мам, есть!..

– Правда...

В душе малыш был согласен с Вовкой и мамой и ему очень хотелось посмотреть на наши танки. В то же время его захлестнула обида: если у нас есть, почему они приехали к нам, забрали все хорошие вещи, даже стулья унесли. Муку, сухари... мать тогда не догадалась спрятать – утащили... А после того, как Петров с бойцами уложил столько мародёров, да ещё и в плен взяли, был уверен: «Победа будет за нами! Враг будет разбит!..» Оказывается, вот кто голодающих мародёров – «пасёт!..» – Малыш привстал, наблюдая за техникой фашистов.

Колонна удалялась, оставив смрад бензина, а на дороге хлюпающую грязь. Колёи наполнились водой, можно тащить санки только посередине дороги.

«Русские дамочки, не копайте ямочки...» – вспомнил листовку.

Вовка пнул младшего:

– Посмотришь, как они отсюда драпать будут.

«Будут, жди, а пока драпаем мы...» – Малыш подумал так, но не решился спорить, Вовка устал и от этого злой. – Главное, чтобы нас не убило...»

Они миновали город, выбрались на другую дорогу, которая огибала террикон шахты, спускалась в балку. Бурки совсем промокли, вода чавкала в галошах, ноги застыли. Правда, при ходьбе можно терпеть. Валерка собрался сказать об этом матери. У неё поверх бурок «глубокие» галоши, но у Вовки такие же, как у малыша, он помалкивает; «буду молчать» – такое решение созрело у него.

Мать сошла с дороги на лёд речушки или большого ручья. Поймёшь тут, – вокруг чужие места. Берега в редких кустах камыша растут у воды повсюду, особенно в балках.

Коляска стояла на обочине дороги, мать шла впереди по льду, даже топала, проверяя крепость льда. Снег слежался, подтаял, обрывистые берега чернели.

– Поехали, – сказала мать, спуская коляску на лёд речушки.

Ребята охотно прыгнули на барахло, мать подтолкнула санки и они покатались даже с небольшого уклона. Малыш лежал на брюхе, следил, как полозья разрезают тонкую ледяную плёнку, под которой был прочный лёд. Вовка время от времени соскакивал с саней, разгонялся и прыгал на ходу. А санки, словно самокаты, скользили сотни метров не останавливаясь, постукивая полозьями на трещинах: «Хорошо-то как, давно надо было свернуть, а то тащились...»

Он и не заметил, как задремал, а когда очнулся, почувствовал тяжесть мокрых бурок, ноги окоченели, потеряли чувствительность. Пришлось снимать галоши, стаскивать намокшие бурки, растирать покрасневшие ноги. Малыш от боли тихо заплакал.

Мать далеко отстала, была где-то за поворотом; а брату чего жаловаться? Он, возможно, услышал или подметил, что Валерка захныкал.

– Здесь устроим привал, – кивнул Вовка в сторону дуплистых раkit. – Давай я помогу тебе отжать бурки. Они как кисель. Будь пока в галошах. Ломай сухие сучья, камыши, собирай бурьян, – распоряжался он, вешая отжатые бурки на сучья раkitы.

Он натолкал в галоши мятых метёлок камыша, а ноги всё равно стыли. Пришлось терпеть. За короткий срок они собрали хворост, бурьяну, подтащили комель сломанного дерева.

Вовка посадил брата на санки, растёр ноги и укутал какой-то дерюжкой. Он умел растаптывать плитку, так же ловко разжёл костёр. Ветерок относил дым вдоль речушки, но, когда он менял направление, чувствовался приятный и чуть горьковатый запах раkitы.

Мать очень обрадовалась костру. Они с Вовкой натолкали снега в кастрюлю и принялись ошипывать куропатку. Кастрюля шипела на огне, через какое-то время мать добавляла чистые льдинки.

– Ах, какой у нас будет супчик, – приговаривала.

Нинку она вытащила из коляски, и девчушка, укутанная поверх пальтишка старой шалью, не отходила от матери ни на шаг. Она вцепилась в полу пальто и таскалась за матерью от костра к коляске и от коляски к костру. В коляске, на самом дне, под клеёнкой, в мешочках мать спрятала крупу, муку и немного макарон, это было всё из запасов бабы Груши, которая едой ни с кем не делилась.

А когда кто-нибудь говорил о войне, о голоде, она произносила:

– О, я знаю цю ораву. Цих шибенников... Надо щоб йисты чего було. А йих вытурят – гэть, ох, як вытурят...

По солнцу можно было определить, что время за полдень, и мать торопилась: подбрасывая в костёр хворост, следила, чтобы не сгорели бурки, которые сушились над огнём. Вовку она тоже разула, также в галоши настлала сухих тряпок. Валерка смотрел, как от бурок идёт пар, и думал; а как двигаться по мокрому льду, чтобы не замочить ноги: «Если бы запрячь собак, ехать себе и ехать».

Поели они быстро. Металлические миски мать ставила на снег, суп остывал мигом. Суп получился вкусным, на свежем воздухе, приготовленный на костре – мечта.

Бурки почти высохли. А какое наслаждение братья получили: когда обулись, внутри просохшей обуви дремало мягкое тепло костерка.

Мать предупредила, чтобы они не уходили далеко вперёд, а ехали на санях по очереди. Сани по гладкому льду катились без усилий, толкали их палкой-рогатиной, а Вовка, сидевший на скарге, где надо, подтормаживал, выравнивал сани.

После «привала» и сытного обеда ребятам хотелось катиться вниз по речушке на обгонки, свободно, не притормаживая, гнать и гнать. Но мать напоминала, чтобы они не замочили ноги, ехали тише.

Солнце увеличивалось, краснело, как будто набиралось тяжести и вроде от этой тяжести опускалось на высокий холм донецкого кряжа. И как-то незаметно начинал подступать ломкий весенний морозец. От того, что они не гнали, мать придерживала, да и усталость росла, тонкая плёнка воды не забрызгивала бурки, мелкие брызги оставались на галошах. Опыт помогал. Мать поглядывала на солнце. Одна она знала, сколько ещё топать, тащить коляску с дочерью.

Речка не особо петляла, она была зажата с обеих сторон возвышающимися кряжами. С северной стороны белым, с редкими проталинами, или продувами, а с южной – наоборот – редкими, белыми пятнами по бурому склону. Тихо и пустынно было в степи – ни единой живой души. А малыш посматривал на порхавших щеглов, нет-нет да и проверял карман – цела ли рогатка, на месте ли пуля: «Вот бы повстречалась какая ещё крупная птица».

В одном месте, после крутого поворота, путь преградила насыпная плотина. Пришлось перетаскивать коляску и санки через неожиданную преграду. Это оказалось нелегко, так как сил у беженцев осталось немного.

Малышу не терпелось спросить мать: далеко ли ещё до тёти Дуни. Но тётя Дуня живёт в городе, а тут, в степи, признаков города не видно, даже – ни одной дороги. У плотины мать сказала:

– Это первый водопой...

Вовка спросил:

– А что, ещё будут плотины?

– Будут, – коротко ответила мать, – впереди ещё, кажется, два водопоя, насколько помнится.

Ему ещё хотелось спросить: почему место, где плотина, называется – водопой? Отвлекла мысль о том, хватит ли сил перетащить санки и коляску ещё через две плотины. Если через эту резво, с ходу ринулись на подъём. Вовка рассчитывал на инерцию. Под плотиной, оказалось, намело много снега. Санки застряли. Мать поспешила им на помощь. Развязали и перетащили скарг на берег, потом санки с небольшим грузом волоком переправили через плотину, поставили на лёд, носили остальные вещи на руках, увязывали. Румын из обоза, когда разбрасывал вещи, сначала кинжалом разрезал верёвку, и жёсткая верёвка расплзлась на узле. Мать проклинала всех мародёров мира, пока связывала верёвку, с такой злостью, что у неё горели глаза:

– Ах, чтоб у них хрен на лбу вырос, чтоб, когда «приспичит», они нагинались...

– Мам, а лучше на пятке, – подсказал Вовка, – когда «приспичит» пусть они разуваяются. Валерка и то расхохотался.

Мать тоже рассмеялась. Повеселее стало перетаскивать коляску. А солнце между тем не ждало. И уже вдоль речушки опускались вечерние сумерки. До плотины они гнали санки, теперь под уклон очередь ехать, но им управляться, а каково матери с коляской?! Вовка, как угадал мысли брата, сказал:

– Давай Нинку перенесём в санки. Мне всё равно, что ты один, что вас – двое. Ты усядешься, будешь держать её, чтобы она не свалилась, а я подталкивать.

Малыш согласился. Об этом они сказали матери.

– А как уснёшь, да скovyрнёшься на лёд? Ребёнка расшибёте.

– Не скovyрнусь. Я уже выпался, – сказал Валерка.

– Я смотреть за ними буду, – заявил брат.

И мать согласилась.

Нинка у ребят не плакала, она терпеливая. Плакала, когда мародёры в квартиру врываются, да в погребке иногда. А если мать её накормит досыта, даже песенки на свой лад поёт.

А водопоев больше не было, плотину одну снесло, другую, наверное, разбомбило или подорвали. Они проскочили незначительные преграды ещё до сумерек. Сейчас совсем стемнело. Мать с коляской шла впереди, а ребята еле тащились, отстав.

Весь день в пути, столько пережито. Мать не зря посматривала на солнце, ночь всё-таки настигла семью в степи. Заметно похолодало.

– Красное большое солнце на закате – к перемене погоды, – сказала мать, – ишь, как подмораживает, а то и метель схватится.

А Валерка не мог понять, почему это сани стали хуже катиться, что-то к полозьям цепляется. Водяную плёнку поверху прихватывает морозцем, и она стеклянно похрустывает, притормаживает. То они шли, стараясь держаться середины, сейчас мать тащилась ближе к берегу и всё напоминала ребятам, чтобы те торопились, двигались, не гнали санки. Легко сказать «всматривайтесь», в глазах появилась какая-то резь, набегали слёзы. Вовка тоже жаловался: «Больно смотреть».

– Это от яркого снега, вы только не трите глаза. Я вот терплю, – предупреждала мать. – Скоро придём в деревню. Там живёт наш родственник. Мы с отцом один раз гостили у него. Не знаю, найду ли тот дом ночью... Сейчас, если там немцы, комендантский час. Опасно. Как доберёмся. Идите тише. Хотя бы людей повстречать.

От таких слов невесело было на душе. Терпели.

В тёмном небе, среди мерцающих звёзд, тонкая закавыка месяца ничуть не прибавляла света. Впереди снежное поле упиралось во что-то тёмное. Мать оживилась.

– Кажется, вербы, а за вербами – сад. Теперь речушка отвернёт в сторону... надо выбираться. – Она стала высматривать, где это сделать.

У высоких, плотно разросшихся раkit, с пологого берега на лёд речушки стекала тёмная лента дороги. На неё-то они и выбрались. Миновав сад, выбрались к деревенским хатам. Проехав несколько, мать свернула к большому продолговатому дому и остановилась у тёмной стены.

Тихо было на улице деревни. Ни собачьего лая, ни людских голосов, ни огонька в окошках. Мёртвая тишина. Боясь нарушить эту тишину, мать шёпотом сказала:

– Вот это клуб... кажется, второй дом Стёшин... как бы не ошибиться. Мы с отцом, когда гостили у него, в кино ходили. Третий? А вот передохнём, я пройдусь посмотрю, вы подождёте. Как бы на патруля здесь не наткнуться... Тоже, небось, черти ещё те и здесь.

– Ноги окаменели, – почти простонал Вовка, – иди, мам...

– А кто этот Стёша? – спросил по забывчивости Валерка.

– Ты что, не помнишь? Это папкин двоюродный брат, – сказал Вовка. – Мы ж у них когда-то гостили.

– Тихо!.. – мать, всматриваясь в сумерки, прислушалась, даже привстала на цыпочки. – Кто-то разговаривает, – выдохнула она.

Все замерли, а мать склонилась над коляской. Как бы чувствовала, что Нинка захнычет во сне. Она, словно квочка крылья, распахнула пальто, накрыла коляску. Нинка повозилась, затихла.

Теперь и братья слышали похрустывающие ледком шаги, приглушённый говор. Показались двое:

– Та отут в закуточку можно зупинуться, – они прошли мимо совсем близко с винтовками за плечами. – О тут и покуremo в затишку... – глухо сказал один из них.

– Пишлы до кинця. Можэ, бабо Луцаря самогон гонэ. Чуе мий кирпичный нос там щось е, – произнёс молодой голос.

– Твоя Луцыриха, колы гонэ, ажно во Львови чуты, – глухо сказал первый. – Твий кирпатый нэгожий.

– Вот так воняе?..

– Так...

– Шо ж ты, був во Львови и всё мовчишь. Шо там було? Одни украинцы чи и нимцы булы? – спросил молодой. – Булы?

– А як жэ. Нимцы завжды з намы. Бо воны з Бандэрою прийшлы. Чины вельки. Та там ни тильки нимцы булы. Румыны, италийцы, и даже ти булы... як жэ йих? О, забув! Та я жэ йих?.. Грицко, а яким ты мэнэ вчора хреном назвав?

– То ж було вчора...

– Ну, яким?

– Голланским хреном назвав...

– О! И голладцы там булы!..

– Що ты мэни про то, хто там був, ты кажи про Украину. Кажуть, що столицу до Львова перенэсуть, бо в Києви руськи живут, а во Львови всех жидив и маскалив вбылы.

– Вбылы, та чому переносыты, всё будэ нашэ. Треба бильше вбываты маскалив, жидив...

– А коммуняки?

– Все жиды – коммуняки. Все!

– А як маскали почнуть нас вбывать?

– О! А нас завищо?! Як воны будут убывать? У нас – румныцы, а то и гарматы, хйба нимцы дадут? Во Львови про цэ казали...

Из-за угла вылетел, рассыпая искры, окурок. Дети так затаились, что перестали дышать. От задержки дыхания подкатывал кашель.

– Пийшлы до бабы. Гонэ вона чи ни, но у ней завжды е, – сказал старший.

Они вскинули за спину винтовки и, похрустывая настом, пошли в другой конец деревни. Мать выждала, пока затихли шаги, и чуть слышно сказала:

– Тихонечко идите за мной...

Малышу не терпелось спросить у матери о патруле, которого она так опасается. Ясно, что это были хохлы. Баба Груша так разговаривала и её за глаза все называли – хохлушкой. Он как-то спросил её, почему она хохлушка?

– Это хто навчив тэбэ – хохлы, а я руська. Я русинка. Ото, як скажуть, – баба Груша – «хохлушка». Ты скажим йим, шо воны – хохлы, а Груша – русинка. Русины первые – русские. Вот так.

– Кажется, вот эта хата. Давайте-ка сюда, под эти деревья. Стойте тихо, я пойду узнаю. Сил моих нет. Мать оставила с ребятами коляску, прошла к дому, стукнула в одно окно, потом в другое. Хата стояла за деревьями палисадника, дети слышали, как она стучится. От окна прошла к двери, постучала и в дверь.

– Вовка, что все хохлы – патрули? – спросил Валерка.

– Это патрули – полицаи, – ответил брат. – Ванёк и Колька говорили, «что там, где оккупанты, есть предатели полицаи...»

– Кто там? – слышался приглушённый мужской голос.

– Стёша, это я – Катерина, – ответила мать.

Дверь распахнулась:

– Господи, откуда ты? Заходи!..

– Я не одна, со мной дети.

– Ну, давай сюда детей, где они?

Из двери вышел большой сутулый мужик и за матерью направился к ребятам. Он остановился рядом, высокий такой дядько:

– У тебя тут два экипажа... не растеряла ребят-то?

– Целы. С таким трудом из такого ада выбрались...

– Ну, слава богу. Как же ты отчаялась в ночь пойти? Могли пострелять. Заночевала бы где.

– Где ж заночуешь в степи?

– Как шла-то?

– По речке, утром вышли...

– Утром! – удивился Стёша, затаскивая в сенцы коляску, и помог втащить санки. – Я тогда, в то мирное время, добрался до вас за день, но я на лошади... Речка не шибко петляет – путь получается короче... ну да. Где же Алексей? Живой? – расспрашивал он, задвигая засов двери.

Разговор получался как приветствие. Вы-де не у чужих, и я, как глава семьи, принимаю вас.

Где же ему быть... – ответила мать, – там, где все. А живой ли? – она шмыгнула носом, – чует сердце: живой, чует. Сны подсказывают – живой.

– Сюда, вот сюда идите, – Стёша распахнул двери в хату.

Свет керосиновой трёхлинейной лампы, висевшей посредине комнаты, показался вошедшим ярким. В глазах появилась резь, слёзы, они сморгнули, отвернулись от лампы.

За большим длинным столом сидела семья Стёши. Дети, какие-то старухи, тётки, молодые люди – и все смотрели на негаданных гостей.

Хозяин поставил коляску в сторону от порога, назвал мать по имени. Из-за стола встали дородная тётка и седоволосая старуха, сутуlostью похожая на Стёшу. Тётка принесла стулья для всех, а старуха подошла к ребятам:

– Давайте-ка раздеваться.

Они сняли пальтишки, шапки, галоши, сели на лавку и стали стаскивать бурки:

– Боженьки-то, боженьки, а ноги синие – синюшие, как у мертвяков, – причитала старуха, – в галошах хлюп-мокромата... давайте-ка суконную вязёнку.

Кто-то из детей подал бабушке рукавицу, и она тут же принялась растирать детям ноги.

– Киньте в печь поленце. В жар чайник поставьте, чугунок с водой пододвиньте, – распоряжалась старуха.

Стёша вполголоса о чём-то продолжал расспрашивать мать, братьям казалось, что голос у него такой же лохматый, как он сам.

Их поили «узваром», как говорила бабушка, кислым, горячим. Она ещё предлагала кутью, ноги горели огнём. Валерка дремал. Усталость сказывалась. Все, что происходит не на самом деле, а во сне. Он не сидел, а летал по воздуху и опустился на жёсткую, тёплую подстилку, кто-то командовал:

– Всё мокрое на загнетку...

Сон мягкий, тёплый, будто летний воздух, обволакивал, гасил сознание.

Глава II

Труженик всегда нацелен на работу. Если присмотреться, дни у них начинаются однообразно. Они как заводные, – в делах.

Что-то так грохнуло, малыш вмиг очнулся. Перед глазами белый снег, он вскинул руку, но не достал.

– Ах, что б тебе, дети спят!.. – услышал шёпотом произнесённый упрёк. Вовка тоже проснулся, и всё стало понятным. Они лежали на печи. Ощущение голода пронизывало с головы до пят. А внизу – шёпот: – Нешто так дрова швыряют...

– Я уронил их, отец вон сколь напихал – гору... – у печи внизу кто-то оправдывался.

Братья переглянулись, придвинулись к краю и посмотрели вниз с печи. Сквозь окна – веером солнечные лучи уперлись в крашеный пол, обозначили зеркальные квадраты. Они стали прислушиваться и вспоминать. Прислушиваться к тому, что происходит в хате, а вспоминать – что в семье говорили о Стёше.

От печи по направлению к выходу шёл рослый парень. Он посмотрел в сторону ребят и сказал:

– Они не спят, таращатся, будто сычи.

Скрылся за дверью. Тут же выглянула старуха и посмотрела на печь: – Живы, бедолахи?

Она словно себя спрашивала или убеждалась в чём. Убедившись, скрылась, продолжая с чем-то возиться, что-то отодвигать, стучать крышками кастрюлей.

О Стёше отец с матерью говорили, что он обитает среди хохлов. Ушёл из шахтёров, купил хороший дом, живёт большой семьёй, не бедует. Говорилось до войны, а сейчас всё поменялось...

Малыша толкнул Вовка:

– А где мамка?.. Вчерась сколько было народу, играли в карты, сегодня куда-то все подевались.

– В карты? – удивился Валерка.

– Да, а ты что, не видел? Мы зашли, а они сидят за столом и режутся.

– Я не видел. Давай спросим бабушку, где мамка...

– Спрашивай.

– Нет, спрашивай ты. Спрашивай, где наши штаны, одежда. Вчера столько народа, сегодня – никого. Одна эта старуха...

– Вы что это шушукаетесь? – показалась старуха. – Вставайте. Все давно встали.

– У нас нет штанов, – сказал старший.

– Вот ваша одежда на лавке, – Варвара занялась своими делами.

Братья прыгнули с печки, проскочили к лавке, быстро облачились во всё чистое и сухое.

– До ветру во дворе умываться в сенцах. Меня зовут – бабушка Варвара, – ласково говорила она.

– Знаем, мамашка говорила, – смело сказал Вовка.

Сегодня бабушка Варвара в светлой кофте, волосы зачёсаны на пробор, сухая, высокая и вроде не такая гнутая, как Стёша.

Братья выскочили на улицу. Яркое солнце ослепило, а свежий воздух приятно отдавал дымком, с запахом хвороста. Необычную тишину нарушали чирикающие воробьи в густых, колючих кустах шиповника, – сколько их там возилось! У Валерки ёкнуло сердце охотника. Он полез в карман за рогаткой – нету!.. И тут из-за сарая с охапкой дров выдвинулся Витька, кивнув головой на хатку, крытую потемневшей соломой, сказал:

– До ветру – там.

Малыш с Вовкой переглянулись – все так озабочены, чтобы они не забыли «до ветру». Они по узкой, прочищенной в снегу тропинке пошли «до ветру».

Вовка предложил выбраться на улицу и посмотреть, с какого края вчера попали сюда, а потом спросить: куда делись Нинка и мать?

День только начинался, с крыш свисали длинные искрящиеся сосульки, капли так и сыпали с них. Падая в пробитые в снегу лунки, наполненные прозрачной водой, они как бы щебетали.

Вовка поднял небольшую палку, запустил в сосульки и чуть было не разбил оконное стекло, а в сосульку не попал.

– Хорошо, что не в окно, а то бы получил на орехи, – сказал кто-то у них за спиной.

Дети оглянулись. За ними стоял всё тот же Витька, который носил дрова.

– Эх, вы, дохляки! Всему надо учиться у старших.

Он взял палку, подпрыгнул и сбил с одного маха несколько сосулук. Они разлетелись по сторонам, словно осколки стекла.

– Меня зовут Витька. Я ваш аж троюродный брат. Десятая вода на киселе. Похрустеть захотели, ну, чего ж вы. – Витька поднял кусок отбитой сосульки, отряхнул снег и с хрустом откусил – а скусные, скуснея морковки.

Братья тоже подняли кусочки, тоньше, чем у него, принялись хрумкать.

– Ну вы не очень-то нажимайте, а то околеете.

– А ты не околеешь? – спросил малыш. – То, что ты Витька, мы знали давно. Смотри, Витька, застудишь горло.

– Я большой и сильный, – Витька хрумкал, белые, крупные зубы, крошили сосульки с таким хрустом, что, наверное, слышно было в хате, потому что через открытую форточку бабушка крикнула:

– Виктор! Тебя куда послали?

– Иду, куда послали, – ответил Виктор. – Пошагали, дохляки, со мной. Там интереснее.

– А мамка...

– Там и мамку увидите.

– Погодь-ка, – опять крикнула через форточку Варвара, – давай их сюда, они голодны.

– Пойдём-ка, дохляки. Я забыл, что вы вчера – уснули, даже не ужинали. Очень вы любители большие «хрюкать».

– Если бы ты столько, сколько мы протопали, «хрюкал» бы целый день, – заявил Вовка.

Бабушка Варвара с полотенцем в руках проследила за умыванием, подсказывая, чтобы гости потёрли руки мочалом. Что было сделано с усердием.

Полотенце хранило запах мяты, дождевой воды. Так пахли у них полотенца до войны. Их все унесли мародёры. Об этом братья, перебивая друг друга, рассказали бабушке.

– Нас, пока бог хранит, – сказала она. – Чужих нет, а полицаи – пьянь!..

Ели кутью: распаренную в печке пшеницу с постным маслом. Картофельные драники с луком и салом. Запили завтрак узваром из лесных сушёных яблок, шиповника. «Узвар – этот живая кислота, но полезительный», – подбадривала Варвара.

Не успели вылезти из-за стола, пришла мать с дядей Стёшей. Мать кроила кому-то пальто и платье, и за это ей дали немного муки, сала, Нинку напоили молоком.

Вернулись девчата с хозяйкой тётей Сашей. Они ходили полоскать на речку в проруби бельё. Пришли ещё сыновья, младше Виктора. Застолье получилось людное.

– Видишь, сколько их, хорошо, что мы успели поесть. Я наелся, – довольным тоном заявил брат, когда они вышли на улицу.

– Мы жить здесь будем? – поинтересовался Валерка.

– Не знаю, – ответил старший.

Ему не терпелось посмотреть, откуда они пришли; клуб, где таились от полицейев, но вышла бабушка Варвара и предупредила, чтобы они не уходили от двора: мать собиралась в дорогу.

Покормив ещё перед дорогой, уложив и увязав на санках вещи, беженцев пошли провожать Виктор и сам Стёша. Он сказал матери:

– Надо бы тебе остаться у меня и ждать возвращения своих. Но негодяи полицаи отправят в Германию. Здесь бургомистр Яворивский, а в полицаях братья Мовчаны. Отвратные люди. Не верится, что Яворивский в большевиках ходил. Перед войной он в Крыму работал. По слухам, готовил партизанские базы. А с приходом немцев, вместе с крымскими татарами, сдал гитлеровцам всех и всё. Опасаясь мести, убрался из Крыма, и вот в наших краях. Виктору исполняется шестнадцать лет, боюсь, угонят в неметчину...

Виктор с Вовкой, шлёпая по раскисающему снегу, везли санки, а Стёша шёл с матерью. Огромным, волосатым, сутулым медведем крупно шагал он рядом с маленькой росточком женщиной. Идёт такой дядька, или дед с девчушкой, толкает впереди себя детскую коляску и глухо, басом о чём-то рассуждает. А рассуждал он о детях, о том, как уберечь их от неволи:

– Слух прошёл, что немцы открывают шахты – временки и кто работает у них – не трогают. Узнай, пусть Евдокия разведает, а мы с Виктором недели через две придём. От таких хохлов, как Мовчаны, нет спасения русским... Жили в мирное время, как все. Беда пришла – они к ней. Вот и оглядывайся на человека: кто за твоей спиной...

Они помогли добраться до шоссе, высланное светло-серым булыжником, дорога выделялась среди пегих полей – ровная и сухая. Ребят удивило, что на шоссе не было снега. Им хотелось идти без саней, а не тащиться по раскисающей обочине.

– Ну, с богом, – взмахнул Стёша большой ручищей, – не забудь о моём наказе. Километров восемь осталось. Евдокия живёт на Черепичных. Туда, не торопясь, и правь. Поклон передавай ей и детям от всех нас...

Валерка с Вовкой впряглись в санки, потащили их обочиной, а мать покатила коляску по шоссе. Пустынно было в степи. Пустынно и тихо. Малыш оглянулся. Стёша и Виктор ещё стояли у шоссе, – большие, на фоне блёклого, словно простыня, потерявшего искристость снега. Один – лохматый, сутулый и широкий, другой – высокий, стройный, как молодой тополёк, – русские мужики, которых занесла недобрая судьба – мачеха на край русской же земли, но где выживают люди из русского племени. Да, они русских корней, а характерами порченными, словно растения на семи ветрах, не имеющие стебля. И называется это растение «перекати-поле». С наступлением тепла оно появляется, как вся трава – стебельком. Где-нибудь на краю оврага, балки, опушки, перелеска, предгорья, наконец, на краю поля, полупустынной степи. Где-то у пересыхающей в знойные дни речушки, озерка. На прогорклых солончаках растение это пытается отнять у земли-кормилицы её плодородие. И вот оно начинает формироваться, выживать, то суховеи, то пыльные бури, то морские ветры, знойные лучи солнца и другие напасти влияют на его формирование. В результате оно принимает форму шара с названием «перекати-поле». Растение это способно скакать, отрываясь от родного корня в любую сторону, под напором любого ветра, иногда в беге напоминая животных: то скачущего зайца, то шакала, то корсака, а то и бродячую собаку.

Перекати-поле – на южных и восточных окраинах России, при всевозможных стихиях, под неусыпным вражеским оком. Великая Россия и малая – окраинная. Так пусть эта малая окраинная будет Украиной. Пусть эти мужики ищут свою прародительницу не в России, а в пространстве, бог весть где. Пусть самые корявые из них придумывают её, а мы – враги всего русского – будем помогать им. Приходить с разных сторон, в любое лихолетье, а с этими шарами разберёмся, турнём, как следует. Они и покатались. С такой философией враги посматривали на своих охочих помощников.

Шоссе шло на уклон. Вот беженцы как расстались со своими провожатыми, так и пошли на подъём.

Хоть и мастерски укладывались булыжники шоссе и, на первый взгляд, поверхность дороги казалась гладкой, не разбитой, без ухабов и колдобин, но вибрацию колёса не гасили.

Нинке вначале это нравилось, и она пела в коляске. Голосом издавала протяжные звуки, которые вибрировали, очевидно, забавляя её. Она чувствовала своим нутром в степной пустыне свою безопасность. Но тряска ей надоела, она перестала «петь». Начала хныкать, требуя какой-либо перемены.

Мать тоже с ребятами начинали приставать, топая и волоча санки на подъём, которые то и дело чиркали полозьями по камням, от этого «чирканья» скольжение подтормаживалось, требуя дополнительных усилий. Мать подметила, что сыновья выбились из сил, решила передохнуть. А тут как раз и пристанище. Обочь дороги остовы разбитых, полустогоревших итальянских машин. Наверное, трагедия случилась не так давно. Ехали себе вояки по шоссе. Ехали, и кое-кто из них удивился неожиданному признаку европейской цивилизации: отлично мощённому шоссе. Ехали себе, расслабленные, и если сытые, то и удовлетворённые. И вдруг – воздух! С неба, такое же редкое, как эта дорога – возмездие. Русский самолёт и что там, – бомба, обстрел из пулемётов, пушек. Вояки сыпанули с грузовиков, но поздно драпать... куда? – степь, открытое место, не спрячешься и получили порцию мести, как бы от самого бога. С небес. И такое случается в этой весьма просторной стране – России.

Семья остановилась совсем неподалёку от разбитых остовов машин. Раньше тупорылые грузовики прикрывал снег. Сейчас под солнечными лучами он растаял, сполз, обнаружив кое-где какие-то цифры, полуобгоревшие знаки. Ребята, видя разбитые машины, забыли об усталости, нацелились на обследование признаков иностранной техники. Они-то забыли об усталости, осторожности. Среди этих остовов могли быть боеприпасы. Зато мать, извлекая девочку из коляски, не забыла. Она остановила сыновей строгим окриком:

– Вы куда?!

Прыть у детей поубавилась, Вовка ответил:

– А мы до ветру...

– Нечего туда тащиться!

И – конец тайной задумке. Пришлось стоять и таращиться издали на очень соблазнительные заморские предметы.

– Мам, да мы только подойдём ближе и посмотрим, – увещевал малыш родительницу.

Такая невидаль, и на тебе – запрет.

Впереди маячили терриконы породы. Один – островерхий, тёмный с торчавшей на вершине решёткой и зависшей под этой решёткой вагонеткой, издали похожий на игрушку. Ещё не было видно строений города, а терриконы возвышались, царствовали над всеми степными холмами и кряжами. Вовка тоже рассматривал терриконы. Ну, если не разрешили пошарить в разбитых машинах, что остаётся делать: глазеть по сторонам – в пустоту, а здесь на горизонте – терриконы, горы выдолбленной из-под земли породы.

– Мам, а наш папка долбил на этой шахте породу? – спросил Валерка.

Мать перестала заниматься Нинкой и поглядела на терриконы:

– Да, мы вначале здесь жили, а потом уехали на Стандартный, – она вздохнула, – долбил, только не породу, а уголь... не так, что это я говорю, он, когда приехал с Орловщины в Донбасс, устроился работать в бригаду проходчиков, к Рыжкову Ивану Фёдоровичу. Значит, долбил и породу. Есть вон в том терриконе, где висит вагонетка, и его порода. Потом, чтобы получить квартиру, ушёл в забойщики и стал долбить уголёк. А сейчас... – мать отвернулась, – где он?..

Они слышали какой-то стук, вроде – тархтения. Вдали по шоссе ехала повозка. Она двигалась в их сторону. Мать посадила Нинку в коляску, и семья продолжила путь.

Повозка, запряжённая лошадьми, двигалась быстрее, и вскоре она догнала их. Возница – старик в треухе, из которого на затылке торчала вата, посмотрел на беженцев с сочувствием, проезжая мимо, вдруг остановился:

– Что вы так трёпаете? А давайте-ка я вас подвезу... тпру-у, вы немецкое отродье! – Дёрнул он вожжи. – Стоять!..

«Немецкое отродье» – две сытых, куцехвостых лошади дёргали большими головами, звякая удилами, скалили зубы, стараясь послабить натянутую упряжь.

– Во какое у меня «корыто» просторное. И зачем ему пустому быть? Коляску мы вздрючим наверх, а сани прицепим сюда.

Он показал на торчавший сзади телеги крюк.

– У немцев все приспособлено...

Мать не успела ни возразить, ни согласиться, а возница спрыгнул не по-стариковски и уже резво накинул на крюк верёвку санок, взялся за коляску:

– О, да в ней ребятёнок... ну залезай-ка ты сама в телегу, а я тебе буду подавать. Это хорошо, что у тебя только трое, а как есть у некоторых беженцев по шестеро и боле, а вокруг война, разор. Она с ними, голодными. Ох ты, завяжи всех ихних гитлеров, муссолиней и антонесков – шнурком. Завяжи, удави, на сук не поднимая!..

Мать встала на колесо, забралась в телегу, Валерка с Вовкой влезли таким же макаром с другой стороны, втащили коляску.

– Располагайтесь кто где, лучше на соломе. Я вот знал, что будут попутчики и соломы подстелил, – очевидно вознице скучно было ехать одному, или он, действительно, добрый такой. – У немцев, или у этих германцев, за счёт нашего брата сейчас всего вдоволь. А повоюет он ещё год, два: разору прибавится, народ обеднеет вконец, тогда и ему кисло станет. Я сам спецконовал. Всю жизнь при лошади. Какой там всю, с мальства. Вот с таких лет, – он показал на малыша. – правда, я не так похож на коновала. Обычный коновал имеет чёрный али тёмный глаз. Вид звероватый, а у меня глаз светлый и вид, как у человека. А я, как тот немец, среди мордастых, здоровых, смотришь, – неказист находится, а мундир на ем такой же, с теми же множественными карманами, пуговицами, а то и потайными, другими причиндалами. У меня, я вам скажу, есть предостаточно своих потайных, значит, секретов... Но, вы, куцехвостые! Не ждите, чтобы я вас по жирным ляхам огрел!.. А битюги у немцев – хороши, это я вам авторитетно, с полной ответственностью, так же, как я спецконовал, заявляю, – он сдвинул на затылок свой продранный треух и уставился на мать синими глазами. – А скажите, молодая мамаша, вы из каких краёв беженствуете?

Мать усмехнулась, спокойно ответила:

– Беженствуем – издалёка...

– Я бы не сказал так. Судя по вещам и виду ваших деток. Кто издалёка – истрёпаны до побирушек, и в руках: узелок, а то ветерок. У вас полны саночки, ребёнок в колясочке. Не, мамашка; дедка-коновала на козе не объедешь. Не издалека вы, видать, а спугнула вас война откуда-нибудь из наших мест. Ну, да ладно. Я хоть и при комендатуре немецкой состою, бургомистра Яворивского обслуживаю, но я не с полициями Мовчанами и бедолахам всегда помогаю.

Показались дома городка. Все целехонькие, даже из отдельных труб вился дым. Не то, что на Стандартом, – одни развалины. Кованые колёса телеги покатались мягче, без грохота. Булыжное шоссе после железнодорожного переезда было присыпано землёй или мелкой породой.

Проехали вдоль сквера. Возница надвинул на лоб драный треух, спросил:

– Еду во-он до той водонапорной башни, а вам докудова?

– К Черепичной нам.

– Ага, там я вас и спихну.

Вскоре к Черепичной доехали. В городе встречались редкие прохожие, издали видели патрулировавших полицейских во главе с немцем, в тёмно-зелёной шинели, солдатом.

– Вона – прохаживаются, принимают и вас, женщина, мой совет, проскочить в обходной. Вона куда они пошли, смотрите. Они вас оберут подчистую. Саночки-то опустошат...

Мать показала в проулок.

– А нам к этому проулку...

– Так я вас и подверну.

Он дёрнул за вожжи, замахнулся кнутом:

– Прибавь прыти!

Когда коляска стояла на земле, а верёвка санок снята с крюка, возница полез в карман:

– Чего я вам удосужу, – из горсти он сыпанул ребятам в руки овса, среди которого виднелись семечки. – Витаминная мешанка, я вам скажу. Вот почему я здоров, как лошадь, а лошадь, как я. Шелушите и ешьте, почуть.

Мать поблагодарила возницу, и он развернул бричку, не оглянувшись, укатил в сторону водонапорной башни, по виду доволен, что помог.

Нашли дом и квартиру тёти Дуни быстро, и сама она оказалась на дворе; пилила с Женей дрова.

– Ох, кого нам судьба подарила! – всплеснула она руками, узнав родственников, и пошла навстречу. – Да как же это вы добрались? – обнимая мать, причитала она, поглядывая на коляску, в которой сидела Нинка, и молчала, стараясь вытянуть шею и посмотреть из-под полога: а что происходит вокруг. – Женя, проводи их в дом. Я сейчас уберу чурбаки в сарай, а то им вмиг ноги приделают.

Она взяла недопиленный чурбак, поволокла к сараю. Женя как будто не признавала гостей, прихватив несколько поленьев, буркнула:

– И все вы к нам?.. Так пойдёте...

Вовке, он шепнул об этом малышу, не понравилась сухость сестры, в голосе недовольство. У двери она, поскольку руки были заняты поленьями, обернувшись к братьям, сказала:

– Да что же вы, как пеньки, открывайте же двери!

Вовка открыл перед её носом дверь. Она прошла к плитке с просторной лежанкой, разложила на лежанке дрова. Повернулась, косо глянула, об тряпку вытерла руки. Какая-то худая, несуразная, на губах болячки:

– А у нас полицаи Колю забрали, в Германию отправили. Мы одни с мамкой бедуем...

«Худая, похожая на макаронину! Вырастит длинной, будет такая высокая, как тётя Дуня», – мелькнула у малыша мысль.

Мать и Вовка были заняты тем, что затаскивали санки, коляску в кухню. Им помогала подросшая тётя Дуня. Чтобы развеять Женкино недовольство неожиданным приездом, Валерка спросил:

– Велосипед твой где?

– Съели велосипед...

– Как – съели?

– Молча, вот как, пенёк ты бестолковый, – она мизинцем потрогала болячку на губе, – не стой, раздевайся...

Отошла к матери, та склонилась к ней, а Женя, привстав на цыпочки, что-то зашептала тёте Дуне на ухо. Та согласно кивнула.

Женька вынесла из кладовки жестяную ванну с высокими краями, из тонкого оцинкованного железа, выдвинула на середину плиты ведро с водой, которое зашипело, отрывисто пофыркивая, оттого, что сестра, передвигая, неосторожно выплеснула немного воды. Не обращая внимания на шипевшую плиту, Женька взяла два пустых ведра, коромысло, кивнула Вовке:

– Пошли со мной.

Вовка взглянул на мать, – она согласно кивнула. Они ушли. Валерке приказали играть с Нинкой в большой комнате. В окна, сквозь чистые стёкла, светило весеннее солнце. Девочке дали куклу в пёстром ситцевом халатике, наверное, Женя сама шила этот халатик. Вначале Нинка, стояла посреди комнаты, с недоумением осматриваясь. Потом приготовилась плакать. Брат напомнил ей о кукле, и она, искажая немного слова, принялась уговаривать куклу, чтобы она не плакала, пока не придёт немец.

– А придёт фриц, плац, ори... – Она посадила куклу в углу и подошла к малышу с просьбой показать улицу, не идёт ли мародёр.

Он поднатужился, поднял её на стул. Девочка поставила локти на подоконник, ладони прижала к лицу, со вниманием стала разглядывать двор.

Не верилось, что здесь не было и нет войны, и можно спастись от голода.

Детей выкупали по очереди, переодели во всё чистое и сытно покормили. Пальто малыша совсем новое, которое мать сумела сохранить, вывернули наизнанку, снесли в сарай, чтобы промёрзло. Всю одежду, снятую с детей, побросали в выварку и поставили кипятить.

Мать передала тёте Дуне сумку с подарками от Стёши: ведро картошки, килограмма два пшена, муки. Рассказала, как живёт брат и что он собирается на шахту к немцам.

Взрослые занимались своими делами. Женя, после передачи сумки от Стёши, подобрела. Она достала букварь, до войны успела окончить первый класс, принялась показывать Валерке буквы, объяснять, как из них складываются слова.

К вечеру детей отпустили подышать свежим воздухом, и они по очереди катали Нинку на санках. За долгие месяцы выживания на нейтральной полосе, на территории оккупированной, всё было в новинку. Патрулирование улиц полицией, под контролем немца, а то самостоятельные патрули-полицай, высматривающие для рабского труда и угона в Германию молодёжь. Ретивый полицай в тылу иногда приносил фашистам большую пользу, чем солдат в окопе. И фашистская власть разрешала полицаям всё, рассчитывая, что неконтролируемый произвол усилит ненависть к немецким холоумам со стороны населения. А при таком подходе на полицейскую преданность можно положиться. И если суммировать тот вред, который приносили полицайи предателей своей стране, и ту пользу, которую получали с их помощью фашисты, то никакие ссылки врагов России на суровость русских зим не идут в сравнение. Вряд ли гитлеровцы так блаженствовали бы на оккупированной территории, не будь под охраной полицаяев. Там, где уничтожались предатели, действовали партизаны, подпольщики, немцы держали, охраняя свою безопасность, дивизии. С территорий, на которой воевали партизаны, они не получали дармовую рабочую силу и сырьё для своей промышленности. Дети этого не понимали, но смотрели на предателей с большей ненавистью, чем на немецких солдат.

Патруль проходил мимо горки, с которой катались на санках ребята. К которым присоединились соседские мальчишки, примерно одного с ними возраста. Женя всех их знала, так же как и они её.

– Жека, – обратился один из пацанов, в справной одежде, да и лицом, на котором играл румянец, он отличался от остальных, – где ты такие салазки добыла?

Санки он назвал «салазки».

– У себя, – ответила Женька.

– Дай прокатиться.

– Прокатись, староста...

Пацан, которого Женька назвала старостой, издали разогнал санки и плюхнулся на них брюхом, помчался с горки. Он проехал дальше всех и быстрее всех. Вернувшись на горку, он объявил:

– Классные салазки, так и летят. Я ещё разок.

Отошёл дальше, чем в первый раз, разбежался, но перед горкой санки выскользнули, и он плюхнулся на пузо, а пустые санки помчались вниз. Все, кто видал эту сцену, расхохотались.

Подошёл патруль полицаев. Они тоже захохотали.

Услышав хохот полицаев, дети насторожились.

Староста, не обращая внимания на смех, бежал с горки, настигая санки.

– Ото ты так катаешься, Мышко, пузом об лёд! – хохотал небольшого роста, похожий фигурой на бочку полицаи. – Дай-ка я скачусь, бо ты невидаль. Где такие «самокаты» взяв?

– Взяв!.. – огрызнулся Мышко.

– На, поддержи мою рушницу, а я посковзаюсь.

Протянул он винтовку старосте. Такие винтовки ребята находили на нейтральном поле после «боя», после румынской атаки.

– Господин Сахно, справляй службу, – готовясь к разбегу, отстраняя винтовку, ответил румянощёкий староста.

– Мышко, та дай же, – вцепился в санки полицаи.

– Пошёл на хрен!.. – дёрнул на себя санки Мышко, сыпанул матом.

Полицаи от резкого движения упал на колени. Неуклюже поднялся, подобрал винтовку и, обращаясь к своим друзьям, сказал, отрясая снег с колен:

– Отаки воны вси, Петропавловские... круты самостийники!

Мышко разбежался и, на этот раз удачно вспрыгнув на санки, полетел с горы. Полицай-бочка хохотнул, улюлюкнул ему вслед и патруль, мурлыкая вполголоса: «щё не вмерла Украйино», слегка притопывая, двинул своим путём.

Староста взобрался на гору:

– Ну, Жека, я ещё разок...

– А мы что, вытрашки будем продавать? Мы уже замёрзли... – она выдернула у него из рук верёвку.

– Ладно тебе, спасибочки... а где ты этих огольцов набрала? – он кивнул в сторону братьев.

– Это мои братики... они пришли от самого фронта с нейтральной полосы. Там всё разбито...

– Большевики?

– Ну и глупый ты, Петропавловский...

– С вами поумнеешь. Все большевики – евреи драпнули, всех увезли их в тёплые страны, а вас на фронте оставили. С вами будешь умным. Отец мне рассказывал, как большевики их на Кубани раскулачивали и убивали.

– Пошёл ты со своим отцом и большевиками, знаешь куда... если бы я знала, какой ты, я бы ещё тогда, когда мы учились не сидела с тобой за одной партой и не подсказывала, когда ты ни «бе», ни «ме», ни «кукареку»! – выпалила Женька и, посадив Нинку и младшего на санки, приказала Вовке: – Хватит, поехали домой!..

«Да-а, тут совсем всё по-другому, – думал Валерка, – вот и погулять можно... и санки не отняли... даже эти, полицаи, которых можно не бояться. Мышко послал пузатого куда следует – и всё...».

Ребят догнал сын старосты.

– Хочешь, я принесу вам еды? Вчера отец зарезал корову, у нас есть мясо и есть хлеб.

– Спасибочки, – сказала Женя.

– У вас беженцы, смотри твои братья – доходяги, – не унимался Мышко.

– Ты бы побыл на нейтральной полосе, да столько прошёл пешком. Небось, морда покосилась...

– Ишь, чего захотела, задавала несчастная. Кольку твоего угнали немцы. Отец мой говорил ему: «Иди в полицаи», не захотел. Теперь больше пользы принесёт немцам, и за сто грамм хлеба, и кружку кипятка будет вламывать!

Он шёл следом. Женя остановилась у калитки, пропустила ребят. С силой захлопнула её у самого носа Мышко.

– А я не к тебе шёл, – заявил староста, – я к Зелёному иду, – он шмыгнул в соседний двор.

Забора почти не было. К следам кое-где прибиты штакетины, а, может быть, штакетины эти – остатки от забора.

Женька рассказала матери, что староста хвалился, что отец его зарезал корову.

– Так у них две, – ответила тётя Дуня, – когда скот угоняли от немцев, отец Мышка сумел увести коровок. С приходом гитлеровцев в услужение подался. Придёт расплата. Ты с этими негодьями не водись, – наказала она Женьке.

– Я и не вожусь, – ответила та.

К вечеру погода стала портиться. Похолодало. Солнце спряталось в тучи. Женька опять взяла букварь, чтобы учить малыша чтению. А когда стемнело, мать уложила детей в чистые постели. Сквозь дрему Валерке не раз казалось, что вот-вот мать начнёт его будить, чтобы, набросив на себя какую-нибудь одежонку, остальное, прихватив с собой, бежать в погреб, прятаться от обстрела. Он долго не мог уснуть и слышал, как среди ночи тётя Дуня с матерью куда-то ходили.

Он проснулся от холода. Форточка была открыта, неприятный запах чего-то палёного, несмотря на открытую форточку, стоял в комнате. Валерка встал, прошёл на кухню.

Перед плитой на скамеечках сидели мать и тётя Дуня. Заслонка была отодвинута, яркое пламя освещало пространство у плиты. Знакомая картина напомнила Стандартный посёлок. Ночами мать сутилась у плиты, чтобы приготовить к утру чего-нибудь покушать. И сейчас они, на длинных досточках, которые держали по очереди перед огнём, а потом скоблили ножами, тоже что-то готовили к завтраку.

– Ты почему не спишь? – заметила родительница. – А ну-ка, марш в койку.

– Фу, как здесь нехорошо пахнет, – сказал Валерка.

– Спать!..

– Там открыта форточка, холодно.

– Я сейчас приду, закрою, быстро в постель.

Пришлось подчиниться. На улице бог знает что творилось: бушевала такая метель, – временами в открытую форточку, ветер задувал облако снега, оно кружилось у потолка, рассеиваясь по комнате.

– Зима вернулась, – сказала шёпотом мать, постояла у окна, но форточку не закрыла, а, подоткнув под бока сына со всех сторон одеяло, набросила ещё сверху пальто.

– Спи... – Она посмотрела, как спят остальные, и тоже накрыла всех. Форточку оставила. Ветер нет-нет, да и задувал, словно сам он имел лёгкую пуховитость и белый цвет.

Полог в кухню был приподнят, тянуло палёной шерстью, малышу хотелось пойти и разобраться: чем они всё-таки занимаются, почему не спят...

К утру затих ветер. Морозило. Шёл снег, крупный, густой, и в пасмурном, сером дне не было угнетающей безысходности, с которой часто начиналась жизнь там, на нейтральной полосе.

Он удивился, что его кормили завтраком одного. Не было Жени и Вовки. Нина сидела на тёплой лежанке, играла с куклой. Мать поставила перед малышом миску с холодцом, положила лепёшку: «Не зря мы пришли к тёте Дуне, а то бы там убило нас, или с голоду опухли», – мелькнула нехитрая мысль в детском воображении.

Он не мог логически связать вчерашнее упоминание Мышко о том, что его отец корову зарезал, ночную возню у плиты и едкий запах палёной шерсти. Ясно было, что полицаям, пре-

дателям всех мастей живётся и при фашистах не худо, остальные, брошенные по независимым от властей причинам, вынуждены – выживать.

Позавтракав, малыш собрался спросить у матери о Вовке и Жене, как на крыльце затапали и в кухню влетел Вовка.

– Мам, мы привезли хорошего угля. В мешок высыпали целых два ведра, еле дотащили! – восторженно заявил он.

Тётя Дуня, сидевшая у окна и чинившая протёртые задники у Валеркиных бурок, отложила работу.

– А вас никто не видел? – спросила она.

– Там такой снег, и – ни души. Мы с Женькой санки в сарай затащили.

– Пойду посмотрю, – она накинула платок, – детей турнут, поймают, пинка дадут, сумку или ведро отберут. Смотря кто из полицаев на дежурстве. Взрослых – в шомпола, а то и в концлагерь... – поясняла тётя Дуня матери.

Она ушла с Вовкой. Малышу не терпелось тоже пойти на улицу. Бурки не были готовы. Было ясно, что Женька и Вовка совершили нужное дело, но не совсем понятно, почему тётя Дуня недовольна и поругивает дочь:

– Вот попробуй без спроса пойти ещё раз. Получишь у меня, – сердилась она.

– Мам, а мы с Вовкой действовали по-соображаловке. В такое утро все полицаи дрыхнут, а снег, – никаких следов. Зато у нас есть чем топить.

– Чтоб больше не самовольничала. Далеко ли до беды! – строго сказала тётя Дуня.

Валерке всё больше и больше нравилась Женька; как она вчера отбрила Мышка, сына старосты.

Тётя Дуня взялась дошивать задники, а Валерка, чтобы не мозолить глаза, ушёл в большую комнату.

Снег почти перестал. У окна порхали редкие снежинки. Прояснилось. Свет будто исходил от сугробов, нетронутой чистоты белого снега и оттеснял серую пасмурь к редющим тучам.

«С горки сейчас не покатаешься, такие наметы, но хотя бы поваляться в сугробе, вместе с ребятами расчищать или притаптывать на горе снег. Если на улице мороз, то лучше расчищать...» – думал Валерка, поглядывая в окно.

Глава III

Зима затягивалась. Заметно похолодало. Валерка слышал, как одна старуха сказала: «Марток – натынешь трое порток». Небольшой городской сквер, в основном из деревьев белых акаций, вырубался для отопления здания, в котором с одной стороны располагались полицаи, а с другой – немецкая комендатура. Ни для кого не было секретом, что оккупанты держатся только с помощью предателей. Пропагандистская шумиха, с помощью которой немцы привлекали разноплеменных выроdkов, была единственной у них опорой среди местного населения. На службу в полицию немцы в первую очередь брали интернационалистов; начиная с хохлов. Те, которые с первого дня шли от границ и уцелели, – были из рядовых и даже из младших командиров. А те, которые помнили приказ Гитлера: «Солдат, у тебя нет сердца, разума, убей русского, убей советского!..», – помнили и убивали, заставляли убивать – эти за короткое время стали значительными карьеристами, службистами, псами у фашистов.

Они умели организовывать и отсылать в Германию эшелоны с ценными грузами, с помощью которых восполнялись фронтовые потери. Россия – это кладёз неисчерпаемых богатств и дешёвой рабочей силы. И сейчас большая часть промышленных районов в руинах, немецкие войска чуть было не вошли в Москву, и непобедимые армады продвинулись к берегам Волги, вопрос победы у фашистов почти решён. Холода помешали, придётся повременить. От Москвы отступили, в других местах преуспевали, теперь дело техники, – убей русского, и пусть его убивают и советские. Интернациональные дивизии используются умело и на полную мощь. Солдат привыкает к победам, а чувства победителя сродни чувствам властителя. Вот он на оккупированной земле, в чужой неведомой стране – один, с винтовкой. Ему бы из-за каждого угла, из окна грозила смерть, но вот рядом с ним предатель, который готов ему служить, убивая своих. И высший его вдохновитель говорил об этом: «Убей русского...» – уничтожь ту силу, которая окажет тебе сопротивление. Дальше – убей советского, за «советским» бесконечная цепь, кого надо убивать. Задача оккупанта – больше убивать и думать о том, как при этом уцелеть. «У тебя нет ума, сердца...» – ты вроде машины или скотины, хотя у скота есть то и другое, но он ещё не достиг того уровня своего развития, чтобы воспользоваться тем, что определяет добро, продолжение мирной жизни. Животным и машиной надо управлять, тут тебе и упрощение окружающей среды, ставка на примитивность. И вот они – эти примитивы, которые готовы служить завоевателям.

Не все об этом размышляли, чувствовали это. Инстинкт, внушение, а за этим лестничная иерархия. Главное – оттолкнуть человека от его земного предназначения, лишить разума, культуры, в крайнем случае – увести от классического понятия этой культуры, ибо за этим понятием, за классикой – тысячелетия, великое развитие и достижения человеческой мысли. Власть у человека – дорога в золотой век, власть у дьявола – путь в преисподнюю.

На сугробах, чистом, снежном платё – ни следа, обездоленный войной городской житель, обречённый на безделье и выживание, не торопился покинуть жилище. На улице его ждала ещё более жесткая неопределённость, чем в неудобном холодном жилище.

Разного рода информация проникла в сознание невесты откуда и каким путём. Дети узнали, что тётушка с матерью ночью ходили к сараю старосты и унесли кожу забитой коровы. Это из неё они сварили холодец. Все, за исключением Нинки, кушали, и никто не говорил о запасах еды; насколько хватит, но дети знали, они знали об очередном угоне молодёжи в Германию. Прошёл слух и о разгроме фашистов под Москвой. Понятно, что в присутствии детей взрослые не молчали о значительных событиях.

Когда идёт война, в которой после удачно проведённых операций намечается победитель, он забывает о человечности. Жестокость – это власть, а если эта война достигает больших масштабов, тут от победителя, кто желает выжить, не ждут милости, а предлагают ему свои

услуги. Тут – держись народ побеждённый, слуги, случается, горазды на такие зверства, что хозяева содрогаются.

На нейтральной полосе, чтобы дети не погибли, мать прятала всех в погреб, прятала от мародёров еду, которую не стала бы есть дворняжка, просидевшая сутки на цепи. А они вот, завоеватели Европы, дети разных народов, шарили по квартирам и забирали всё, что им глянется, даже то, что не стала бы лопать собака.

Мать сумела увести малышей из того ставшего привычным ада, и они в новой обстановке. Живут вдали от выстрелов и взрывов, кушают сытно, в нормальной квартире. Каким вкусным ребятишкам показался холодец из кожи коровы. Они, конечно, не представляли опасности: мать и тётя Дуня пошли за кожей в сарай старосты. Он мог, если бы увидел, пострелять их. У него винтовка, немцы доверяют ему.

Вчера Валерка подслушал, что тётя Дуня с матерью собираются идти менять вещи на зерно или муку. Вчера они разложили содержимое сундука и решали, что возьмут из «добра» на обмен.

Он смотрел на улицу, на снег через окно и представлял начало недавнего пути из посёлка. Представлял, как мать и тётя Дуня пойдут по безлюдной степи к незнакомой деревне или селу – Розовка. О возможности этой Розовки принесли вести соседки, ходившие в те края.

Плохо, что выпал такой снег, не видно дорог... Ему пришлось отшатнуться от окна: по безлюдной улице вели какого-то человека – в фуфайке, шапке-ушанке и стёганных ватных штанах. Конвой приблизился, прошёл в нескольких шагах от окна, и малыш увидел не только лицо юноши, большие, беспокойно зыркающие по сторонам глаза, но и солдатскую шапку, на искусственной цигейке которой заметно проступал отпечаток звёздочки.

«Как полицаи задержали этого парнишку, может быть, его схватили из-за шапки?..»

Он метнулся на кухню, чтобы сказать о полициях. Мать и тётя Дуня были в сборе, и малыш получил последнее наставление:

– Слушайся Женю. Она – за хозяйку.

Вовке всё, что надо было, сказано. По обычаю, перед дорогой сели, помолчали и дети остались одни.

Нинка захныкала. Женя напомнила ей о кукле, дала печёную свеклу.

Валерка торопливо стал одеваться.

– Ты куда? – спросила Женя.

– Сейчас покушаем, соберу Нину и все вместе пойдём гулять.

– Я постою у порога, во дворе...

– Тебе, что сказано, – вмешался Вовка.

Пришлось подчиниться и хозяйке и брату.

А он собирался посмотреть на следы полицаев, куда они ведут. «Может быть, как-то успокоюсь, отделаюсь от недоброй мысли: «А вдруг мать и тётю Дуню повстречают полицаи, другой какой-нибудь патруль?.. Куда их поведут?»

После завтрака дети прочищали во дворе от снега дорожку, катали Нинку на салазках. Малыша немного подташнивало от холода из кожи.

Неожиданно появился Мышко. Он как будто шёл к дружку, а повернул к ним:

– Давайте вместе бабу лепить. У меня вот такая морковка есть. Нос сделаем снежной бабе, красный, как у коммуниста.

Женька не ответила ему. Тогда староста посмотрел на ребят и сказал:

– Я знаю, откуда эти беженцы. Я всё о них знаю. Отец говорил, что, если они в неделю не станут на учёт, он пришлёт полиция. Их могут в Германию угнать.

– У нас уже Николая угнали, – ответила Женя.

– Ну и что? Всех могут угнать: и тебя, и мать твою, вместе с ними. Закон такой у немцев есть...

Валерка скатал большой снежок, и так ему не терпелось врезать по красной морде Мышку, что даже Женька заметила и шепнула на ухо:

– Не смей!

– А у нас из сарая шкура от коровы пропала. Мать говорит, что, может, она забыла закрыть дверь и собаки утащили. Отец смеётся – это ж какие должны быть собаки – больше волка, и где ты сейчас найдёшь собак? Мы всех постреляли, а если и осталась одна две, так их – съели...

– Ты что, от нечего делать чепуху несёшь? – Толкнула его Женька.

– Будем бабу лепить? – не унимался Мышко.

– Тебе хорошо «лепить», у тебя вон какие тёплые вязенки. А у нас вмиг руки застынут, – она посмотрела на свои худые, с длинными пальцами ручонки.

– Я тебе отдам свои вязенки, – Мышко стал снимать рукавицы.

– Отдавай, – согласилась Женька.

Она надела «вязенки», полюбовалась, и дети дружно взялись за дело, забыв о том, что Мышко – сын предателя.

Снег почти не «лепился», приходилось мять и катать комок по одному и тому же кругу несколько раз. Мышко чертыхался, то и дело отогревал дыханием руки. Он посматривал на Женьку. Она оставила возню со снегом, играла с Нинкой, лукаво улыбаясь.

– Давайте очистим горку и будем кататься на санках. Берите лопату, я тоже принесу свою, – не вытерпел Мышко.

– Всё, мы нагулялись. Бери свои вязенки, – спасибо, а мы пойдём греться. Зябко сегодня на улице, – сказала Женька.

Приятное тепло ласково окутало ребят в комнате. Валерка даже не пошёл к плитке, как это сделали Вовка и Женька.

Нинка, закутанная во все свои одежды, которые у неё были. Женька, когда шли на улицу, переусердствовала, осмотрелась, позвала маму и направилась в большую комнату, переваливаясь, словно гусыня.

– Пухтя, ты куда? – заметила её поход Женька и метнулась к ней.

Но, не сумев преодолеть порог, Нинка шлёпнулась. Все думали, что она расплчется, а сестра, словно куль, лежала молча, даже не пытаясь встать.

– Пусть лежит, – сказал Вовка, – может, она уснёт. Ишь, как нагулялась.

– Ещё чего? – возразила Женька, но не спешила на помощь Нинке.

А та полеживала себе как ни в чём не бывало. Детям так стало смешно, что они хохотали до слёз. Женька стала поднимать сестру:

– Пухтерья, вставай... Она и правда уснула. Вовка, помоги мне. Они, стараясь не тормозить, раскутали и унесли сестру в кровать.

– Обедать, – распорядилась Женька. – Нину покормим, как проснётся, – по-хозяйски распорядилась она.

– А что этот Мышко всё к тебе липнет? – спросил Вовка.

– Когда учились, он сидел со мной за одной партой и всё списывал. Сейчас с ним ребята стараются не дружить. Сын старосты; везде нос суёт, ряху какую нажевал, – с презрением говорила Женька.

– Ряха у старосты – просит кирпича, – вспомнив немецкую листовку, Валерка хотел спросить сестру, а не жид ли этот Мышко. Но в листовке написано про какого-то политрука. У Мышка отец – староста.

Женька перебила его размышления:

– У нас заканчивается уголь... сегодня топили чересчур. Наши когда придут? А мы все истопили.

Она вроде обвиняла, что братья не экономят топливо. Ни одна гадалка не могла предсказать, когда вернутся родительницы. А придут продрогшие и усталые, как не топить.

– Там ещё есть...

– Я и без вас знаю, что есть...

Братьям не нравилось поменявшееся настроение Евгении. Так её назвал Вовка:

– Какая тебя муха укусила? Мы пойдём дровишек пошарим...

– Дровишек... знаешь, сколько шарят эти самые дровишки? Дровишками топить – пшик и нету. Сколько их надо!..

Женька собрала нам поесть. Конечно, холодец из кожи – сытная еда да ещё с лепёшкой, ещё по стакану кипячёной воды.

Она кормила Нинку, разрезая на тарелке кусочки кожи на маленькие дольки. Делала это старательно, от усердия высунув кончик языка:

– Пухтя, ешь... ешь, тебе говорят. Чего плюёшься, вкусно...

Нинке, как и нам, холодец приелся. Женька это понимала.

– Ты хорошая девочка, будешь кушать – вырастешь большой, во какой! – Женька встала, вскинула вверх руку с ножиком, – во!

– Мама, – сказала Нинка, и оттопырила нижнюю губу, так она делала перед тем как заплакать.

– А что я тебе дам, что дам, – она отщипнула от своей пышки кусочек, подала Нинке, – ешь с этим, не будешь плакать. Я тебе ещё что-то дам, ешь...

Братья следили за Нинкой и Женей. Если она обещает ещё что-то дать – это не пустые слова.

Сидели они рядышком, светлоголовые, коротко стриженные, такие худенькие и похожие на мальчишек. Если бы не платья – мальчишки и всё тут. Ещё у Женьки выпали два передних зуба. Вот если бы она сейчас свистеть училась – легко.

Нинка очистила тарелку, пододвинула её к сестре:

– Во-ть!

– Дай! – протянула ручонки Нинка, – дай!

– Ишь ты, хитра, жадюга... поделим и будем чай пить...

Валерка с Вовкой узнали морковку, но вот когда она взяла её у Мышка?

– Сама ты хи-итра, – лисичка-хитричка.

– Если бы мы слепили бабу, староста сделал – нос?..

– Он её потерял ещё до того, как, если бы мы слепили бабу. Я смотрю, в сугробе что-то розовеет. Морковка! И я её взяла. Она разлила в чашки кипяток и разрезала на равные части морковку.

Всё у ребят нормально. Они пообедали, Нинка не плакала и родительницы останутся довольны, когда вернутся. Вот дровишек хотя бы, а то и угля добыть.

На улице малыш предложил Вовке, он же знает дорогу на шахту, взять санки, мешок и сходить. А Женька пусть с Нинкой занимается. Тучи напоззли тёмные, глыбастые, чувствовалось потепление, и воздух пахнул снегом. А перед снегом теплеет.

– Давай скажем Женьке – и за углём.

Женька посмотрела в окно и даже вышла на крыльцо.

– Надо подождать, когда пойдёт снег. Санки не берите. Полицай вмиг поймут, зачем на салазках мешок, а я его, – везу, – сказал Вовка, кивнув на брата.

– На обратном пути, угля набрали, и они вас сцапают, да-а ка-ак всыпят шомполов, или таких тумачков и усиптков получите, что лучше сидеть в холоде... санки заберут.

– А если смотреть в оба?..

– Смотри, не смотри, а днём поймают, – она покачала головой, – лучше мёрзнуть. Ага, вот, – оживилась Женька. – В сарае где-то есть старые санки. Полозья деревянные, ну и что?

Скользят они хуже, ну и что? Зато их можно бросить и удрать от полицаев. Удирать надо в разные стороны: один в одну, другой – в другую...

Санки нашли. Они были меньше, но мешок поместится.

– Смотрите в оба. Санки с мешком спрячьте, вот вам сумка. Наберёте, – высыпите и ещё... Только не жадничайте, – наставляла она.

Чтобы не «светиться», братья пошли в обход дома старосты. Сыпал мелкий снежок, потеплело. Безветренно, снег шёл густой.

– Хорошо, что идёт снег, – сказал Вовка, – пройдем улицу, за церковью – вниз, там шахта. Вниз пустые, а на горку с грузом. Эх, если бы наоборот.

– Дотащим, был бы груз...

– А ну, – он сел в санки, и верёвка тут же лопнула.

– Теперь связывай.

– Да нет, связывать пустое. Надо найти что-нибудь подходящее, покрепче. Хотя бы проволоку. Найдёшь тут в сугробах...

Валерка увидел на церковных воротах какой-то обрывок. Они распутали его. Обрывок шнура оказался длиннее и крепче верёвки. Братья тут же его заменили, а обрывок верёвки водрузили на ворота.

Церковь до прихода гитлеровцев почти бездействовала.

Ныне самыми верующими оказались все прислужники оккупантов: от бургомистра, старосты до самого забулдыжного полицая.

Малыш слышал, как тётя Дуня рассказывала о праздновании Рождества. Бургомистр подарил чудодейственную икону. Многие ходили смотреть, и по городу ходили слухи, что святой, изображённый на иконе, чем-то напоминает Гитлера. Верующие по этому поводу говорили, что с приходом немцев не только убрали священника, но поменяли всех вплоть до сторожей. Службу, которую правит новый поп, верующие не всегда понимают. В церковь продолжают ходить, потому, что у каждого тот бог, которому они всегда молились: «Истинную, православную веру не подменишь. Она в наших сердцах», – заявляли они!

Среди молящихся в одном храме – две группы. Одна из довоенных, другая – новая, из предателей. А богу что остаётся, он, как поп, одна паства. В таком духе тётя Дуня объясняла матери, когда мать хотела пойти в церковь, поставить свечку Николаю Угоднику за удачную дорогу.

– Мы боженьку не обидели, что забрали у него шнур? – спросил малыш у брата.

– Любишь ты уши греть, когда разговаривают старшие. Бог не затем, чтобы обижаться за каждую чепуху. Ему так некогда, что он не может остановить войну, голод. Ты помнишь бабушку? Она рассказывала, что бог может одним хлебом накормить тысячу человек.

Бабушку Валерка не помнил один рассказ её. Если буханка хлеба во всю такую печь, как у дяди Стеши, на которой они спали, каждому достанется по огромному куску. Он вообразил бога в белом халате, у огромной буханки и – нищие... А он с ножом, не может бог ломтями одаривать. Он каждому отрезает по душистому... И вдруг малыш спросил:

– А что тогда война тоже была?

– Какая ещё война «тогда»? – услышал он голос Вовки.

– Ну, когда бог хлеб нищим раздавал?

– Ты чего это?.. Вон смотри, там машина, – показал брат, – и люди всякие... немцы...

На шахтном дворе у кучи угля стоял грузовик. По короткой эстакаде катилась вагонетка. Человек заталкивал её в круглую штуковину, вагонетка переворачивалась, высыпая уголь в кузов машины.

– Давай в этом разбитом сарае спрячем санки, пойдём на разведку, посмотрим машину, – предложил он.

– Айда. Я спрячу санки, а ты иди, если что, – драпай! – приказал Вовка малышу.

Он сам потащил санки к развалинам сарая, оставляя цепочку следов на снегу, а Валерка пошёл на разведку.

У грузовика никого не было, только наверху работали: «Вот здорово! А то бросают лопатами. Хорошая машина», – он совсем забылся, приблизился к самому грузовику: ни немцев, ни полицаев, можно зайти с другой стороны, набрав мешок – и к оврагу... дальше и бояться нечего».

От угля, высыпанного в кузов машины, шёл пар, тянуло запахом шахты. Вот когда отец работал на «Юнкоме», так называлась шахта в Енакиеве, мать собрала обед и послала Вовку отнести отцу. Шла война, в первую очередь призывали рабочих не главных профессий. Забойщиков не трогали, но приходилось работать по две смены, обедать под землёй.

Валерка увязался за братом. Тот, без согласия матери, не брал младшего с собой. А малыш шагал как бы самостоятельно, на приличном расстоянии от него. Рассчитывая, как отойдут они от дома далеко, вот тут он и догонит старшего. «Не вернёт же он меня. Я могу не найти дороги к дому...».

Так они шли. Старший впереди, а младший – следом. А перед шахтным двором Вовка исчез. Не трудно было догадаться, где он спрятался. Малыш сделал вид, что знает дорогу, и продолжил путь. Вот тогда впервые он пришёл к шахтному стволу, у которого гоняли вагонетки с углём, и рассмотрел, как выдают на-гора в клетки полные вагонетки с углём.

Сейчас он стоял и разглядывал какой-то неизвестный грузовик. Вспомнился давний спор соседей. Он шёл о грузовиках. Вели его близнецы и муж Тоськи – Фаиль. Братья-близнецы называли какой-то американский грузовик. «Студебеккер». Ванёк доказывал, что американская машина мощнее всех.

Слушая спор братьев, Фаиль, который, выходил курить на улицу, усмехался:

– Вот вы станете учеными, сделаете такой грузовик, который будет лучший в мире. Кто вам помешает? Учиться надо, не лениться». Но помешали – пришла война, и где братья, Фаиль, которого ждёт Тоська?..

Валерка настолько увлёкся своими думами, что забыл, зачем пришёл. Опомнился после лягання и шума очередной вагонетки.

– Ты чего рот разинул? – дёрнул за рукав Вовка. – Давай, пока охранник греется. Я видел, как он вышел из сторожки, покрутил башкой и – назад. Хорошо, что тебя не заметил. Давай быстрее! – Он развернул мешок, санки, и ребята быстро стали бросать в мешок куски угля.

Дети не осознавали, насколько «налёт» был дерзкий и опасный. Набрав угля, быстро завязав горловину мешка, они во весь дух, сколько было прыти, потащили салазки по следу грузовика. От эстакады дорога с небольшим уклоном, а дальше – под уклон. Тяжеловато на уклон, но они тащили и радовались. Ещё бы Вовка сказал, что не меньше набрали, чем прошлый раз с Женькой. На тех санках легче было, а деревяшки плохо скользят.

Снег ещё усилился. Ребята услышали гул мотора, свернули с дороги и застряли на обочине в снегу.

– Пошли так, – сказал старший брат, – проедет машина, тогда вернёмся.

Так и поступили. Грузовик догнал, проехал мимо и вдруг остановился. Из кабины выпрыгнул немец, следом другой. Ребята, как по команде, прыснули в разные стороны. То, что сказала Женька, засело в памяти, инстинкт проснулся. На обочине снег оказался глубокий, ноги проваливались, какой тут бег. Валерка почувствовал, что с одной ноги соскочила галоша, и в этот миг его кто-то дёрнул за шиворот, потащил почти по воздуху. Поймали и Вовку. Их словно тюфяки, зашвырнули в кабину, и не успели они опомниться, как грузовик покатиł вперёд.

Малыш заплакал. Шофёр прижал его локтём, он сидел рядом, и сказал:

– Тихо, будет – пах, пах, – капут.

Другой, у которого лежал на коленях автомат и почти всё лицо закрывал шлем, произнёс:

– Капут!

«О чём они говорили?» Немец в шлеме перегнулся через Вовку уставился на малыша колючим взглядом:

– Тихим мальчишиш... много хатять, много, тихим... – Он замычал подыскивая слова, – хауз ехать – нике... – показал на автомат, – пух-пух – плакай.

Большой нос, сжатое шлемом лицо было похоже на устрашающую маску. Мешая немецкие и русские слова, этот немец решил кое-что втолковать братьям, он опять стал повторять своё «катать», «катать»...

Вовка, всё время испуганно молчавший, сказал:

– Хауз – это дом... домой они нас не пустят...

подавив рыдания, малыш спросил:

– В Германию повезут?

– Сиди и помалкивай. Не будешь скулить, сбежим. Главное, чтобы они нас не били. Запоминай дорогу.

Вовка говорил, а сам смотрел на дорогу, как будто он разговаривает со всеми. Немец в шлеме уставился на Вовку.

– Ошень гут, – он поставил автомат к дверце, прижал ногой, принялся рыться в карманах, даже шинель расстегнул.

Снежок перестал. Водитель выключил дворники, шаркающие по стёклам. В этот момент сильно качнуло вперёд, потом назад. Грузовик чуть было не развернуло, он прополз боком, остановился, натужно воя.

Шофёр переключал скорость, загазовал, но машина оставалась на месте. Он открыл дверцу и выпрыгнул. Немец в шлеме взял автомат и тоже открыл дверцу, выглянул и постучал кулаком по лобовому стеклу, сказал:

– Поляк, ошень ни бум-бум.

Братья помалкивали. Он надвинул Вовке шапку на глаза, повторил: «ни бум-бум», вылез, прихватив автомат.

– Понял, что он сказал? – шепнул Вовка.

– Нет.

– Он сказал, что шофёр бестолковый поляк – «ни бум-бум». Сейчас посмотрю, что они там делают. – Он выглянул. – Этот, с автоматом, стоит к нам спиной. Глянь со своей стороны, где тот?

Валерка продвинулся к другой дверце и выглянул:

– Он долбит лопатой под колесом и выгребает снег.

– Давай вылезем. Вылезем с твоей стороны. Давай.

– А если бить будут?

– Небось, не убьют. Давай, – подтолкнул он малыша.

Пришлось подчиниться. Он выбрался из кабины. За ним брат.

– Вон овраг, видишь? Как только я доберусь... тогда ты, – и Вовка осторожно, проваливаясь по колено в снег, направился к оврагу, оставляя цепочку следов. Он шёл и оглядывался, приближаясь к зарослям тёмного бурьяна, от которых до оврага рукой подать.

Водитель всё долбил штыковой лопатой, то под одним, то под другим колесом. Так старался, – летело ледяное крошево в раскрасневшееся лицо, он отплёвывался, прибавляя в свои действия негодования.

– Барашка, ни бум-бум, немец похлопывал рукавицей по автомату, ухмылялся.

Чтобы не обходить машину, малыш нагнулся и посмотрел. Ног немца с его стороны не было видно, мешали колёса.

Валерка вернулся в кабину, кинув взгляд, – где брат. Он проходил бурьян, в это время в кабину влез шофёр и стал газовать. Грузовик чуть подался, но тут же его стало разворачивать. Водитель выкрикнул:

– Матка бозка! – выскочил из кабины и, взяв лопату, полез в кузов грузовика.

Тут же сверху полетел под задние колёса уголь. Малыш перелез по сидению, чтобы посмотреть, что делает немец с автоматом. Он курил. Швырнув окуроч, немец забрался в кабину и, сильно хлопнув дверцей, что-то сказал. Появился водитель, и на этот раз грузовик выбрался из кювета, преодолел колдобину, выехал на шоссе. Это было то шоссе, по которому несколько дней назад ребят подвозил мужик на телеге, только присыпанное снегом.

Немец в шлеме посмотрел на Валерку, вытянул шею и заглянул за спину.

– Киндер драпать!.. – процедил он сквозь зубы и больно ткнул малыша под рёбра автоматом. Он что-то сказал водителю. Тот остановился. Немец вылез в кузов, дал очередь из автомата. Вернулся, ещё раз пнул Валерку. Тот захныкал, а он приказал:

– Ехать! Вперёд ехать...

Поехали. Малыш настолько растерялся, что перестал хныкать. Первая мысль мелькнула, что немцы пугают: «Отъедут ещё и вышвырнут. Не зря этот, который с автоматом, лопотал «катать». А Вовка знает дорогу домой. Пусть они дадут по шее, как следует всыпят, только бы отпустили...»

В кабине потеплело. Они ехали и ехали. Немец достал из кармана губную гармошку, продул её, стащил с головы шлем, провёл несколько раз растопыренными пальцами по тёмным коротко стриженным волосам, поёрзал, принялся играть. Он играл лихой марш, в такт притопывал и размахивал свободной рукой. По всему видать, ему очень было весело. Небритые щёки вибрировали в такт. Водитель смотрел вперёд – не то улыбался, не то просто кривил губы.

После бравого марша немец нахлобучил Валерке шапку на глаза, откашлялся, помолчал. Когда малыш приподнял шапку, он щёлкнул ему по лбу:

– Рус капут! Сталин будем повесить. Рус всё будём раб!

Малыш помалкивал, а немец так разошёлся, прищёлкивал пальцами:

– Пук-пук, бах! Отчеень – капут!

Валерка рядом слышал смех. Смеялся шофёр:

– Добже, пан... – сказал он, – рус паф-бах! Сибирь. Напалион...

Грузовик проехал через село, мост, поднялся на горку, свернул к железной дороге. Немец спрятал гармошку в боковой карман, напялил свой шлем. Вскоре водитель остановился у платформы с углём.

Немец вылез, вытащил Валерку за руку и повёл в сторону кирпичного здания.

«В комендатуру или полицию ведёт, шомполов дадут...» – пытался малыш определить свою участь.

Часть III Обречённые

Глава I

За дверью, в нескольких шагах, на стене в развёрнутом виде висел фашистский флаг. У высокой тумбочки стоял в немецком френче, но чёрных брюках полицай с винтовкой. На рукаве повязка со свастикой.

При виде вошедшего конвоира он дёрнулся, вытянулся в струнку, что-то буркнул и замер. Немец даже не удосужил посмотреть в его сторону. Он цепко держал малыша за руку, протаскивал его мимо большого, с мелкими стёклами окна в тёмный угол коридора, и они оказались в какой-то комнате.

За широким столом, перед окном, верх которого завершался полукруглой рамой, играли в карты два человека в белых халатах. На столе лежала тетрадь, в плотной коричневой обложке, стояла подставка с какими-то стекляшками. Они отложили карты. Один взял тетрадь, а другой встал сухопарый, как жердь, напялил очки и подошёл к Валерке вплотную. Тот, что сидел с тетрадью, открыл её и приготовился записывать.

Но немец не стал с ними общаться. Конвоир подтолкнул малыша к сухопарому, повернулся и ушёл.

– Шо, хлопчик, злякався? – уставился на Валерку сквозь очки тощий, – открывай рота... Малыш не шелохнулся.

– Шо, ты думаешь, вин украинец. Шаhtar. Шаhtarы вси москали, нашу мову не розуміють.

– Ты маскалику? – прищурился, с ласковой улыбкой спросил сухопарый.

Валерка объяснить не мог, почему он молчал. Понимая, что говорит этот тощий человек, внутри у малыша появилась лютая ненависть.

– Открывай рот! – вдруг гаркнул. Наверное, почуял ненависть малыша. Взял за руку, подвёл к окну, хотя сквозь чистые стекла солнечные лучи проникали беспрепятственно. Да, на

улице сияло разорвавшее тучи солнце. Оно скатывалось к горизонту, и тень одинокого дерева, похожая на отпечаток гигантской птичьей лапы, лежала на белой скатерти снега.

Через паузу Валерка открыл рот.

– Покажи язык! – не отставал тощий.

Показал. Он снял очки, подышал на стекла, протёр и, пододвинув стеклянные трубочки, стал брать кровь из пальца. Потом малыша отвели в камеру. Узкое, вытянутое помещение с высоким зарешеченным окном, нарами вдоль стен. У окна бачок и алюминиевая кружка. Вначале ему показалось, что камера пустая.

Он сел у самой двери на нары. По стенке напротив как будто ползли мухи. Валерка присматрелся. Это были клопы. Малыш быстро встал, оглянулся. И на этой стене клопы тоже суетились. Их было очень много.

«Вот почему меня не били. Они бросили в эту комнату, чтобы меня зажрали клопы, выпили всю кровь», – мелькнула мысль.

Он не знал, что делать. Кричать, плакать, бить ногами в дверь? Помедлив, прошёл ближе к свету и стал следить за суетой насекомых стоя. Хотелось пить. Его охватило отчаяние: «Надо было убежать вместе с Вовкой... почему он не разрешил?..»

Невольно следил за клопами; и с одной стороны, и с другой они ползли по нарам, опускались на пол. Торопились к малышу. Он приготовился топтать их, шагнул к самому бачку, взял кружку. В баке была вода, но с неприятным, затхлым запахом. Он плеснул на подступивших к ногам паразитов. Клопы остановились перед лужицей, и одни поползли влево, другие вправо. Тогда малыш набрал полную кружку и пролил её по кругу. Сел в середину. Клопы несколько раз оползли круг, потом стали убираться к нарам.

В комнате, или КПЗ, прохладно, градусов +12 или немного больше. Пока всё внимание сосредоточено на паразитах, а что будет, когда наступит ночь? Сидеть на полу и не видеть, как со всех сторон ползут кровопийцы: «Надо понемногу подливать по кругу воды, если много она расплывётся, а так по чуть-чуть, держится...»

С потолка упало несколько крошек, похожих на ржавчину. Вдруг эти крошки зашевелились и поползли. Он посмотрел вверх. Клопы ползли от нар на потолок и оттуда падали в круг. Валерка вышел из круга, снял шапку, встряхнул. Точно несколько насекомых упали на пол в круг и на него. Пришлось снимать и встряхивать пальто. В дальнем углу, на верхних нарах, вроде кто-то завозился. И тут же из полумрака показалась курчавая рыжая голова с заспанным лицом. Голова посмотрела большими совиными глазами вниз:

– О, нашего полку прибыло, – сказала она и человек стал выбираться из своего мрачного угла, – откуда, земляк, они тебя выскребли?

Он по-обезьяньи ловко спустился вниз, шагнул к мальчишке.

– Ты это что, насрал? – остановился перед темневшим на полу кругом, – кругами, земляк, писаешь?..

Он был на голову выше Валерки, примерно такого же возраста как Вовка, может быть, немного старше. Малыш молча разглядывал его.

– А-а, вот чего ты придумал! Клопы через мокрое не ползут, – увидев кружку, догадался он. – Земляк, а ты соображаешь, я с тобой буду дружить... Кулибин, Мичурин, Ломоносов!.. – Он ходил вокруг, – профессор, оказывается, с ними можно бороться: нужна вода...

– Они всё равно ползут. Вон посмотри на потолок, – сказал Валерка.

– Ну и пусть там шастают.

Они падают прямо в круг. Вот стань, узнаешь.

Рыжий встал и уставился вверх:

– Смотри-ка, засутились сволочи, а не падают. Бегают и – всё. Их смущает моя масть. Я ведь тоже рыжий.

– Ты сядь и не смотри на них, а я отойду к двери.

Он опустился в кругу на пол. Малыш отошёл. Ему стало легче. В камере есть живая душа, пацан, который не придирается, не угрожает.

Отошёл к двери.

– Так скучно, – сказал он, – почему нельзя смотреть?

– Они будут падать в глаза, на лицо...

Но пацан посмотрел вверх, и клоп как раз угодил ему в глаз.

– О, сволочь, как тот полицейский... – выскочил он из круга, протирая глаз. – От них нет спасения. Я поэтому забрался на самую верхотуру. Там трещина, угол промёрз, и эти «хлопцы» не так донимают. Холода тоже бояться. У меня относительно спокойное место. Морозу бы сюда...

– А ты давно здесь?

– Двое суток.

– Что ж, один сидишь двое суток? Есть они дают?

– Меня сцапали полицейские на базаре и – сюда. Есть дают. Грамм двести хлеба, приварок. У тебя кровь брали?

– Да. Звать тебя как? – спросил малыш.

Он не ответил на Валеркин вопрос, а схватился за свою рыжую голову, раскачиваясь, почти завыл:

– Ой, нехорошо это, ой, нехорошо. Зачем им брать кровь на анализ?

– А как тебя звать? – повторил Валерка свой вопрос.

– Борис, а тебя?

– Аристарх, – почему-то скрыл он своё имя.

На этот раз можно бы сказать настоящее имя.

– Ка-ак? – переспросил рыжий.

– Аристарх, – повторил малыш и представил в воображении человека с большой бородой, в очках, высокого и худого, похожего на этого в белом халате, который берёт у детей из пальца кровь.

– Ты что татарин? – спросил Борис, – или отец у тебя поп?

– Почему татарин? Я...

И в это время щёлкнул два раза замок, в распахнутую дверь вошли двое в белых халатах. Только худой был без очков. Следом за ними женщина принесла две металлические миски какой-то баланды и по куску чёрствого хлеба. Она поставила миски, положила хлеб на подоконник, дамочка удалилась.

– Ну что, будем робить с цимы? – тощий достал из кармана очки, водрузил их на вытянутый тонкий нос.

Малыш удивился, как они держатся, посмотрел на уши. Уши показались ему заострёнными, как у кошки, торчали вверх. Дужки очков цепко держались у основания этих ушей.

– Шо с ним делать? А ничего, скажемо, шо цэ жид, наш – львовский. Во аж куды прийшов.

– Я не жид! Я украинец, – угрюмо возразил Борис. – У меня и метрики. И маты, и батько...

– О, щеня, воно ще базикае. Давай сюды твой мэтрики, мы исправимо помылку. Ну! – он схватил Бориса за ворот, встряхнул.

Борис заплакал.

– Жидиня, ще славчить...

– Кинь ты його. Це Эрик його привиз. Вин знае, що з ним робить.

– А що з цым? – кивнул в сторону Валерки.

– Прийде Эрик, скаже. Мы своё зробылы. До вошобойки не треба. Вшей намае.

Они ушли. Валерка вспомнил немецкую листовку. С нескрываемым любопытством установился на Бориса. В листовке жид – политрук с другим лицом... и уши, и нос...

- Чего уставился?!
- Ты чего-нибудь украл?
- Ничего не крал, – теперь он уставился на малыша.
- А за что они тебя поймали? Мы с братом уголь на шахте воровали, брат сбежал...
- На базаре меня полицей сцапал. Я побирался. Он поймал и отвёл в комендатуру. Я не воровал. Ты не говори, что русский, Аристарх. Давай кушать. – Говори, что украинец.
- А ты видел коммунистов?
- От вопроса Борис выронил ложку.
- Ты зачем такое спрашиваешь?
- Листовки такие немцы сбрасывали...
- Он усмехнулся:
- Я видел такие листовки. Ты умеешь читать?
- Брат читал. Я ещё в школу не ходил.
- Немцы называют коммунистами и бандитами всех, кто с ними воюет, начальников разных. Ты что не знаешь начальников? Руководителей.
- Малыш слышал слово «начальник», «руководитель», а кто они – не понимал, как следует. Вопрос Бориса поставил его в тупик. Не хотелось, чтобы он подумал о том, что малыш не видел начальников. Валерка заявил о начальниках такое, он чуть было не подавился:
- Вот как ты их представляешь! – воскликнул Борис и замолчал.
- Варево, или баланда, настолько напоминало помои... Хлеб ели не торопясь. Кислый, липкий, но это был хлеб. О баланде Борис сказал: «Крупинка за крупинкой гоняются с дубинкой».

Глава II

День закончился, солнце село. Начинало темнеть. Заключённые сидели на широком подоконнике, поджав ноги. Борис рассказывал, как они хорошо жили до войны. Мать работала в школе, преподавала украинскую мову:

– Отец у меня, – он помолчал, усмехнулся, – был большим начальником. Ещё перед самой войной призвали его. – Борис спрыгнул с окна, стал ходить по камере, от окна к дери. – Чёрт возьми, из Львова почти добрался до фронта, и сцапали. Нельзя ходить пацанам на базар. Я знал это и пошёл. Из карьера все пацаны бегали на базар, и ничего... – Двое суток ты так и сидишь? – спросил Валерка. – С клопами?

– Вот сейчас придёт Эрик, двое полицаев. Во двор поведут. Знаешь, тут ещё пацаны есть, мужики, они в других камерах. Живы, клопы не выпили кровь, а фашисты – выпьют.

– Сбежать если?

– Сбежишь тут. Двор огорожен, охранники с автоматами и полицаи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.